
АВРОРА СТИЛЗ
ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ ВЕРОНИКИ
ТЕНИ ПЕРВЫХ ВСТРЕЧ

Аврора Стилз

Девять жизней Вероники. Тени первых встреч

«Литнет»

2026

Стилз А.

Девять жизней Вероники. Тени первых встреч / А. Стилз — «Литнет», 2026

Тень не может коснуться. Пленник не видит клетки. Но они всё равно идут друг к другу.Вероника — призрак в мире, который когда-то принадлежал ей. Дамиан — узник собственных воспоминаний. Их разделяют время, пространство и тот, кто дергает за ниточки. Но даже тень может изменить прошлое. Даже пленник может разбить стены.Вопрос в том, готовы ли они заплатить цену.Первая книгаВторая книгаТретья книга -

© Стилз А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Вероника. 5
Глава 2. Фред. 9
Глава 3. Дамиан. 11
Глава 4. Вероника. 14
Глава 5. Дамиан 16
Глава 6. Вероника. 19
Глава 7. Вероника. 22
Глава 8. Вероника. 24
Глава 9. Вероника. 26
Глава 10. Вероника. 29
Глава 11. Вероника. 32
Глава 12. Дамиан. 35
Глава 13. Вероника. 37
Глава 14. Вероника. 39
Глава 15. Вероника. 41
Глава 16. Вероника. 42
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Глава 1. Вероника.

Я стояла на холме, и ветер играл с моими невидимыми волосами, доносил запахи цветов, травы и молодости — той самой, беззаботной, которая бывает только в начале пути, когда ещё не знаешь, какие потери и какие встречи ждут тебя впереди.

Сад подо мной жил своей жизнью.

Он был огромным, раскинувшимся на несколько холмов, с извилистыми дорожками, выложенными старым, потрескавшимся камнем, и клумбами, на которых росли цветы, каких я никогда не видела — причудливые, яркие, с лепестками, переливающимися на солнце, как драгоценные камни. Ветви старых дубов сплетались над головой в зелёные арки, создавая тенистые тоннели, в которых пряталась прохлада.

Студенты академии бродили по саду группами и поодиночке, смеялись, спорили о чём-то, читали книги на скамейках, лениво перебрасывались яблоками. Их одежда была светлой, простой — льняные рубахи, лёгкие платья, сандалии на босу ногу. И в этом было что-то трогательное, почти утраченное в мирах, где я скиталась так долго.

А в центре сада, на самой большой поляне, стояли они.

Я узнала их сразу, хотя они были совсем другими — молодыми, почти мальчишками, без той тяжести, которую годы и потери наложили на их лица.

Воланд. Он сидел на траве, поджав одну ногу, и ел яблоко — громко, сочно, с видом человека, которому принадлежит весь мир. Светлые волосы падали ему на лоб, и он постоянно откидывал их назад, нетерпеливым, резким движением. В его глазах, тёмно-зелёных, почти изумрудных, горел огонь — не тот, который я видела позже, в моменты ярости или отчаяния. Другой. Живой. Любопытный.

Дамиан. Он стоял чуть поодаль, прислонившись плечом к стволу старого дуба, и держал в руках книгу. Его лицо было сосредоточенным, почти хмурым, но в уголках губ играла лёгкая, едва заметная улыбка — та самая, которую я научилась распознавать только спустя столетия. Тёмные волосы, спадающие на высокий лоб, узкие пальцы, перелистывающие страницы, расслабленная поза человека, который чувствует себя в безопасности. Он не знал ещё, что такое одиночество. Не знал, что такое терять. Не знал, что такое ждать тысячелетиями.

А третий — смуглый, высокий, с добрым открытым лицом и кудрявыми волосами, которые вились на ветру. Тот самый, из видения. Тот, который смеялся, когда Фред пытался соблазнить Веронику. Тот, чьё имя я так и не узнала. Он сидел на траве рядом с Воландом, лениво перекатывал в руке сорванную травинку и о чём-то рассказывал — жестикулировал, улыбался, и его голос, звонкий, молодой, разносился по поляне.

А потом — я увидела её.

Она появилась на дальней дорожке, и мир вокруг, кажется, замер на мгновение.

Вероника.

Молодая — лет восемнадцати, не больше. Русые волосы заплетены в толстую косу, которая тяжело лежит на плече. Одета в простое серое платье, какие носят студентки младших курсов — без украшений, без вышивки, почти аскетичное. В руках — стопка книг, такая высокая, что она видит дорогу только поверх них.

Она шла быстро, сосредоточенно, не глядя по сторонам. Казалось, она не замечает ни цветущего сада, ни смеющихся студентов, ни того, как солнце золотит её волосы, делая их почти рыжими на кончиках.

Она шла к библиотеке. Конечно. Куда же ещё?

И тут это случилось.

Воланд заметил её первым. Я видела, как его рука с яблоком замерла на полпути ко рту, как его взгляд — рассеянный, ленивый — вдруг сфокусировался на её фигуре.

— Эй, — позвал он, но не громко, а как-то растерянно, будто сам не ожидал, что его голос прозвучит. — Это кто?

Дамиан поднял глаза от книги. Сначала он смотрел на брата — недоумённо, с лёгким раздражением. Потом перевёл взгляд туда, куда смотрел Воланд.

И замер.

Его пальцы, перелистывающие страницы, застыли. Книга выпала бы на землю, если бы он не успел перехватить её в последний момент. Я видела, как изменилось его лицо — как исчезла с него лёгкая, рассеянная улыбка, как глаза, тёмные, глубокие, вдруг расширились, впуская в себя что-то новое, чего они никогда раньше не видели.

— Я её не знаю, — сказал он, и в его голосе прозвучало такое напряжение, что смуглый парень, услышав это, обернулся.

— Кого? — спросил он, но вопрос был риторическим. Он уже увидел.

Они смотрели на одну точку. На девушку с книгами, которая шла по дорожке, не поднимая головы.

— Она новенькая, — сказал Воланд, и в его голосе появились новые нотки — заинтересованность, почти детское любопытство. — Я её раньше не видел.

— Никто не видел, — тихо добавил Дамиан. — Она бы запомнилась.

Смуглый парень прищурился, разглядывая её издалека.

— Может, она из другого факультета? — предположил он. — У нас на прошлой неделе был перевод из восточной академии.

— Нет, — Дамиан покачал головой, и его голос был странным — почти твёрдым. — Я бы запомнил.

— Ого, — смуглый парень усмехнулся и толкнул Воланда локтем. — Дамиан кого-то заметил. Это что-то новое.

— Заткнись, — отрезал Дамиан, но в его голосе не было злости. Только растерянность. Та самая, которую он так тщательно скрывал в будущем и которая сейчас, в молодости, была написана на его лице открыто, беззащитно.

Вероника проходила мимо. Рядом. Так близко, что они могли бы коснуться её, если бы протянули руку.

— Девушка! — окликнул её Воланд, и она остановилась.

Так резко, что книги в её руках покачнулись. Она подняла голову, и я наконец увидела её лицо — то самое, которое так хорошо знала, но сейчас оно было другим. Без шрамов. Без усталости. Без той тени, которая ложится на глаза, когда проживаешь слишком много жизней подряд.

— Вы ко мне? — спросила она, и её голос был низким, спокойным, с лёгкой хрипотцой.

— Да, — Воланд подошёл ближе, и я заметила, как он нервно сжал огрызок яблока. — Ты… вы… вы новенькая?

Она посмотрела на него. Взглядом, в котором не было ни вызова, ни заигрывания, ни даже простого любопытства. Только усталость — такая знакомая мне.

— Приехала сегодня, — ответила она коротко. — Меня зовут Вероника.

— Воланд, — он протянул руку, и она пожала её — быстро, без лишних церемоний. — А это мои друзья: Дамиан и Дориан.

Смуглый парень — Дориан — приветливо кивнул. Дамиан шагнул вперёд, и я видела, как напряжены его плечи, как он пытается скрыть своё волнение.

— Приятно познакомиться, — сказал он, и его голос был таким же, как всегда — ровным, спокойным. Но я знала. Я чувствовала. Под этой маской что-то дрожало.

Вероника посмотрела на него — долго, изучающе, будто пыталась прочитать что-то, скрытое глубоко внутри.

— Взаимно, — сказала она наконец.

Дориан подошёл последним. Он был ниже Воланда и Дамиана, с широкими плечами и открытым, почти мальчишеским лицом. В его глазах — тёплых, карих, с золотистыми искрами — не было той хищной опасности, что у Фреда. Была только доброта. И любопытство.

— Ты надолго к нам? — спросил он, и в его голосе не было ни намёка на кокетство — только искренний интерес.

— Пока не отчислят, — усмехнулась Вероника, и в её глазах впервые мелькнуло что-то живое.— Или пока отец не передумает!

Они засмеялись — все четверо, и в этом смехе было что-то светлое, почти забытое.

Я стояла на холме, невидимая, прозрачная, и смотрела на эту сцену, как на картину, которую никогда не устану рассматривать. Это был момент, когда всё началось. Когда их судьбы — моя судьба — сделали первый, ещё неосознанный шаг навстречу друг другу.

Вероника поправила книги в руках и кивнула — небрежно, как будто не придавала этому разговору особого значения.

— Мне пора, — сказала она. — Завтра первая лекция, надо подготовиться.

— Может, проводить? — спросил Воланд, и в его голосе прозвучала такая надежда, что я невольно улыбнулась.

— Не надо, — она покачала головой. — Я сама найду дорогу.

Она ушла. Быстро, сосредоточенно, не оглядываясь. Коса била по спине, книги прижаты к груди, платье развевается на ветру. Она была прекрасна — этой своей отстранённой, почти суровой красотой, которая, кажется, притягивала взгляды всех, кто её видел.

Воланд, Дамиан и Дориан смотрели ей вслед.

— Ничего себе, — протянул Дориан, и в его голосе слышалось уважение. — Такая… холодная.

— Такая… живая, — тихо поправил Дамиан.

Воланд повернулся к брату. На его лице было написано изумление.

— Ты что, влюбился? — спросил он, и в его голосе зазвучала усмешка.

Дамиан не ответил. Он смотрел на дорожку, по которой уже скрылась Вероника, и на его лице было такое выражение, которое я видела у него только раз — в момент, когда он исчезал, рассыпаясь на тысячи невидимых искр.

Тоска. Надежда. И любовь?

— Она что-то особенное, — сказал он наконец.

Дориан переглянулся с Воландом.

— Ну, посмотрим, — сказал он, и в его голосе зазвучала лёгкая, почти братская насмешка. — Ты у нас ещё тот молчун. Может, она и не заметит тебя.

— Заметит, — ответил Дамиан, и в его голосе не было хвастовства — только тихая, странная уверенность. — Она заметит.

Воланд хлопнул его по плечу.

— Тогда мы должны узнать её получше, — сказал он, и в его голосе прозвучала решимость. — В конце концов, мы здесь главные заводилы.

— Ты главный заводила, — поправил Дамиан. — Я просто рядом.

— Ты всегда рядом, — Воланд усмехнулся. — Это и делает нас командой.

Они засмеялись — трое молодых мужчин, у которых всё было впереди. Любовь, ненависть, предательство, войны, смерти. И одна девушка, которая изменит их судьбы навсегда.

Я стояла на холме, и ветер играл с моими невидимыми волосами. Я смотрела на них — на себя молодую, на Дамиана, который ещё не знал, что будет искать меня тысячелетиями, на Воланда, который полюбит меня и умрёт, на Дориана — доброго, открытого, чью роль в этой истории мне ещё только предстояло узнать.

И в моей груди, там, где только что была пустота, зарождалось что-то новое.

Не надежда. Не прощение. А понимание.

Всё было не зря. Каждая боль, каждая потеря, каждый шаг в темноте — всё это привело меня сюда. К этому холму. К этому саду. К этому моменту, когда всё только начиналось.

Солнце клонилось к закату, и сад наполнился золотым, тёплым светом. Студенты расходились, прощались, договаривались о встрече завтра. Воланд, Дамиан и Дориан ушли последними — их фигуры медленно таяли в вечерней дымке.

Я осталась одна.

Но не пустота окружала меня, а тишина — та, которая бывает перед началом чего-то нового.

Я стояла на холме, смотрела на уходящее солнце и чувствовала, как время течёт сквозь меня, как вода сквозь пальцы.

А потом — я почувствовала это.

Взгляд.

Кто-то смотрел на меня. Не на Веронику, не на студентов в саду. А на меня — невидимую, прозрачную, стоящую на холме.

Я обернулась.

Дамиан смотрел в мою сторону. Прямо на меня. Его глаза — тёмные, глубокие, те самые, которые я видела в момент его исчезновения, — были устремлены туда, где стояла я.

Он не видел меня. Не мог видеть.

Но он чувствовал.

Его губы дрогнули, и я услышала — нет, не ушами, а чем-то другим, тем, что было между нами, той нитью, которая не рвётся даже сквозь миры и смерти, — его шёпот:

— Кто ты?

Я не ответила. Не могла. Но в моей груди что-то дрогнуло — и это «что-то» было ответом.

Он отвернулся. Вернулся к братьям, к смеху, к яблоку, которое сжимал в руке. Но я знала. Я чувствовала.

Частица меня осталась с ним. И частица его — со мной.

Закат окрасил небо в багровые и золотые тона, и последний луч солнца коснулся моей невидимой щеки. Я закрыла глаза и сделала первый шаг в новую жизнь.

Глава 2. Фред.

Кабинет утопал в полумраке.

Свечи в высоких канделябрах догорали, их пламя трепетало, отбрасывая на стены длинные, дрожащие тени. Тяжёлые портьеры из чёрного бархата были задвинуты плотно, не пропуская ни лунного света, ни даже намёка на то, что за окнами существует какой-то другой мир. Воздух здесь был спёртым, пропитанным запахом старого пергамента, воска и чего-то ещё — неуловимого, почти мистического, что заставляло кожу покрываться мурашками.

Мужчина сидел в массивном кресле у камина, в котором давно погасли угли. Его лицо скрывала тень, и только кончики пальцев, длинные, бледные, лежащие на подлокотниках, выдавали его присутствие. Он не двигался. Казалось, сама тишина подчинялась ему.

Фред буквально ворвался в кабинет.

Дверь распахнулась с таким грохотом, что свечи заметались, а тени на стенах затанцевали безумный, рваный танец. Он влетел внутрь — растрёпанный, с горящими глазами, с лицом, искажённым яростью и паникой. Его грудь тяжело вздымалась, руки дрожали, а на щеке, на бледной, почти прозрачной коже, пульсировала тонкая, едва заметная жилка.

— Она исчезла! — выкрикнул он, и его голос сорвался на хрип. — Исчезла!

Мужчина в кресле не пошевелился. Даже пальцы его не дрогнули.

— Успокойся, Фред, — рявкнул он, и его голос — низкий, властный, не терпящий возражений — разнёсся по кабинету, заставляя стёкла в окнах жалобно звякнуть. — Я знаю.

— Но почему… — Фред сделал шаг вперёд, и его тень, длинная, искажённая, метнулась по стене, как испуганный зверь. — Почему ты не позволил мне…

— Ты бы ничего не смог сделать, — мужчина перебил его, и в его голосе прозвучала ледяная, неумолимая уверенность. — Ничего, Фред. Ты бы только всё испортил. Как всегда.

— Она была буквально у меня в руках! — Фред сжал кулаки, и костяшки его побелели. — Я чувствовал её запах. Я слышал её дыхание. Я мог дотронуться до неё. А теперь… — его голос дрогнул, сорвался на шёпот, полный отчаяния. — Теперь она может быть где угодно. В любом мире. В любой реальности. Я никогда… я не смогу…

— Это не страшно, Фред, — мужчина усмехнулся, и в этой усмешке не было тепла. Только холодная, циничная уверенность. — Мы никуда не торопимся. Время — наш союзник. Мы можем ждать. Мы всегда умели ждать.

— Ты… — Фред поднял на него глаза, и в его взгляде боролись гнев, страх и отчаянная надежда. — Ты знаешь, где она?

Мужчина молчал. Секунду. Две. Три. Тишина в кабинете стала густой, почти осязаемой. Даже свечи, казалось, перестали потрескивать, боясь нарушить эту странную, давящую тишину.

— Нет, — ответил он наконец, и в его голосе не было ни тени сомнения. — Но неужели ты считаешь, что я не смогу её найти?

Фред замер. Его плечи поникли, и он вдруг показался не опасным личником, а просто уставшим, потерянным существом, которое слишком долго шло за чужой целью.

— Я просто… — начал он, но мужчина перебил его.

— Ты просто всё ещё глупый юнец, — сказал он, и в его голосе прозвучала усталость. — Несмотря на возраст. Время не всегда приносит мудрость, Фред. Иногда оно приносит только усталость и разочарование. А жаль…

Он замолчал, и в кабинете снова повисла тишина. Где-то за стеной глухо пробили часы — один удар, второй, третий. Фред стоял, опустив голову, и его пальцы судорожно сжимали край стола.

— Что мне теперь делать? — спросил он, и его голос был глухим, почти безжизненным.

— А что ты умеешь делать? — мужчина приподнял бровь, и в его глазах мелькнула тень насмешки.

— Я… — Фред поднял голову, и в его взгляде снова зажёгся огонь — не тот, слепой и яростный, а другой, более спокойный, почти покорный. — Я сделаю всё, что ты скажешь.

— Вот и хорошо, — мужчина кивнул, и в его голосе появились новые нотки — удовлетворение, почти одобрение. — Отдохни, Фред. Ты слишком перенервничал в последнее время. Такое состояние толкает тебя на необдуманные поступки. А нам нужна твоя голова ясной. Я свяжусь с тобой, когда придёт время.

Фред кивнул, развернулся и почти дошёл до двери. Его рука уже легла на бронзовую ручку, когда он вдруг замер. Было видно, как напряглись его плечи, как он набрал в грудь воздуха, собираясь с силами.

И задал последний вопрос. Самый страшный.

— А что с Дамианом? — он обернулся, и в его глазах горело то, чего мужчина, кажется, не ожидал увидеть. Беспокойство. Не за себя. За него. — Они вместе? Они… они с ней?

Мужчина медленно поднялся из кресла. Его фигура — высокая, величественная, окутанная тенями — нависла над Фредом, как скала. Он подошёл к окну, раздвинул тяжёлые портьеры, и в кабинет ворвался холодный, серебристый свет луны. Его лицо — бледное, с тонкими, аскетичными чертами — стало видно отчётливо.

— О, нет, — он улыбнулся. Загадочно, почти торжествующе. — Их пути разошлись. И всё благодаря Веронике.

Фред замер. Его рука сжала ручку двери так сильно, что костяшки побелели.

— Так где же он? — спросил он, и в его голосе прозвучало такое напряжение, что, казалось, воздух в комнате загустел.

— Он в моей власти, — ответил мужчина, и его голос был спокойным, почти ленивым. — Но сам не знает об этом. Дамиан навечно застрял в ловушке. И теперь он не сможет нам помешать. Никогда.

Фред молчал. Его глаза расширились, и на его лице отразилась целая гамма чувств — удивление, страх, облегчение. И что-то ещё, чему мужчина не придал значения.

— Так он… — начал Фред, но оборвал речь на полуслове, не решаясь произнести это вслух.

— Он жив, если ты об этом, — мужчина отвернулся к окну, и его профиль, освещённый луной, стал похож на античную статую — прекрасный, но безжизненный. — Но вряд ли ты ещё когда-то его увидишь. А теперь ступай, Фред. Я и так сказал слишком много.

Фред стоял, не двигаясь. Его лицо было бледным, как мел, и он, казалось, забыл, как дышать. А потом — медленно, нехотя — он развернулся и вышел. Дверь за ним закрылась тихо, почти неслышно.

Мужчина остался один.

Он стоял у окна, глядя на луну, и на его губах застыла загадочная, почти сладостная улыбка. В его глазах — тёмных, глубоких, как бездонные колодцы, — пульсировал холодный, расчётливый огонь.

— Игра продолжается, — прошептал он в пустоту. — И теперь никто не сможет её остановить.

Свечи догорели, и кабинет погрузился во тьму. Только лунный свет, холодный и равнодушный, освещал его лицо — лицо человека, который умел ждать тысячелетиями.

И который не собирался проигрывать.

Глава 3. Дамиан.

Дамиан очнулся в замке.

Сначала он не понял, где находится. Сознание возвращалось медленно, тягучими толчками, как волны, набегающие на берег после шторма. Он лежал на холодном каменном полу, и щека его касалась шершавой, пыльной поверхности, на которой время оставило свои следы — тонкие, едва заметные трещины, похожие на паутину. Воздух был спёртым, пахло старым камнем, пылью и чем-то ещё — неуловимым, почти забытым, что заставило его сердце биться быстрее.

Академия.

Он узнал это место, даже не открыв глаз. Высокие сводчатые потолки, по которым когда-то скользили тени от свечей. Тяжёлые дубовые двери с бронзовыми ручками в форме львиных голов. Лестницы, уходящие вверх и вниз, ведущие в бесконечные коридоры, где каждый камень помнил их шаги — молодые, звонкие, беззаботные.

Он открыл глаза и сел.

Замок был пуст.

Не просто тих — пуст. Та пустота, которая бывает только в местах, где когда-то кипела жизнь, а потом она вдруг исчезла, оставив после себя только эхо, только тени, только воспоминания. Солнечный свет пробивался сквозь высокие стрельчатые окна, падая на пол длинными, золотистыми полосами, в которых танцевали пылинки. Но не было слышно ни голосов, ни шагов, ни смеха, которым когда-то были наполнены эти стены.

Дамиан медленно поднялся на ноги. Его тело слушалось, но какая-то странная, липкая слабость разливалась по мышцам, напоминая о том, что он не спал — он был в отключке. И он не знал, сколько это продолжалось.

Он прошёл по коридору, и его шаги гулко отдавались под высокими сводами, нарушая тишину, которая, казалось, имела вес. Он провёл пальцами по стене — камень был холодным, шершавым, и на нём, в некоторых местах, ещё сохранились царапины, которые они оставили много лет назад. Воланд, соревнуясь с ним, кто дальше метнёт кинжал. Дамиан тогда промахнулся, и лезвие оставило глубокую борозду на камне. Воланд смеялся — громко, раскатисто, запрокинув голову. А Дамиан злился, но в этой злости не было настоящей обиды, только братское, почти мальчишеское соперничество.

Воспоминания нахлынули.

Он свернул в библиотеку, и мир вокруг него ожил.

Он видел их — молодых, почти мальчишек, сидящих за длинным дубовым столом. Воланд — с растрёпанными светлыми волосами, в расстёгнутой рубашке, с ногами, закинутыми на стул. Он не читал. Он никогда не любил читать. В его руке был не книжный фолиант, а небольшой кинжал, который он лениво перекатывал с ладони на ладонь, сверкая лезвием в свете свечей. Ему больше по душе были мечи, сражения, запах крови и пота. Он был воином до мозга костей.

Дамиан — напротив него, с прямой спиной, с книгой в руках, с той самой своей вечной, немного надменной усмешкой, которую он носил как маску. Он считал, что истина скрыта в книгах. Что острый ум всегда острее любого кинжала.

— Ты когда-нибудь оторвёшься от своих пергаментов? — усмехнулся Воланд, и его голос был таким живым, таким настоящим, что у Дамиана перехватило дыхание.

— Ты когда-нибудь возьмёшь в руки что-то, кроме оружия? — ответил он, не поднимая головы.

— Зачем? — Воланд пожал плечами и метнул кинжал в стену. Тот вонзился ровно в ту самую царапину, оставленную много лет назад. — Если на меня нападёт толпа головорезов, книга пригодится мне гораздо меньше, чем меч. Отбиваться ею будет сложновато.

— А если на тебя нападёт загадка? — Дамиан поднял глаза, и в них горел тот самый холодный, насмешливый огонь. — Книгой ты хотя бы можешь запустить в голову противнику. А вот меч с загадкой не поможет.

— На этот случай у меня есть ты, мой умный и расчётливый братец!

Воланд рассмеялся — громко, раскатисто, откинув голову назад. И Дамиан, не сдержавшись, улыбнулся в ответ.

Они были так молоды. Так беспечны. Так живы.

Дамиан моргнул, и видение исчезло. Библиотека снова стала пустой, пыльной, мёртвой.

Он вышел в сад, и воздух здесь был другим — свежим, влажным, наполненным ароматами цветов и травы. Солнце стояло высоко, заливая золотым светом бескрайние клумбы, фонтан, старые дубы, чьи ветви сплетались в зелёные арки. Всё было точь-в-точь как раньше. Как в тот самый день, когда она впервые появилась на дорожке с книгами в руках.

Ноги сами привели его туда, где когда-то рос куст чёрных роз.

Он остановился. Сердце его пропустило удар.

Она стояла там.

Вероника. Живая. Настоящая. Не призрак, не видение, а она — из плоти и крови. Её русые волосы, распущенные, падали на плечи, ветер играл с ними, и она не поправляла их, не откидывала назад. Она смотрела на чёрные розы, и в её позе было что-то такое… потерянное, что у Дамиана защемило сердце.

— Вероника! — имя вырвалось раньше, чем он успел подумать.

Она вздрогнула, резко обернулась, и в её глазах — тёмных, глубоких, полных того самого огня, который он так хорошо знал, — мелькнули удивление, страх и облегчение.

— Дамиан, — выдохнула она, и её голос был таким же, как всегда — низким, с лёгкой хрипотцой. — Чёрт побери, что это было?

— Ты… — он шагнул к ней, не веря своим глазам. — Ты здесь?

Она смотрела на него, и в её взгляде боролись противоречивые чувства — радость и злость, надежда и недоверие.

— Это и есть наша новая Вселенная? — спросила она, и в её голосе зазвучали металлические нотки.

— Я не знаю, — ответил Дамиан честно, и от этого ответа стало ещё страшнее. — Я… я не контролирую этот мир.

— Ты пугаешь меня, Дамиан, — она сделала шаг к нему, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на отчаяние. — Что мы здесь делаем? Как мы тут оказались? Неужели моя сила забросила нас сюда?

— Возможно, — он не стал обнадёживать её ложью. — Я не знаю наверняка.

— И ты знаешь, как нам выбраться? — она смотрела на него, и её взгляд был острым, как лезвие кинжала, которым когда-то забавлялся Воланд.

— Я обязательно найду способ, — сказал он, и в его голосе зазвучала та самая твёрдость, которая когда-то заставляла целые армии отступать. — Обещаю.

— Ты же знаешь, что я не верю твоим обещаниям! — огрызнулась Вероника, но в её голосе не было той ледяной ненависти, которая звучала в последние дни их пребывания в замке. Скорее — усталость.

— Знаю, — он кивнул, и его лицо осталось спокойным, невозмутимым. — Но мы здесь вместе. И это главное.

Она посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Потом отвернулась к розам.

Дамиан стоял и смотрел на неё. В его голове проносились мысли — быстрые, лихорадочные, как стая испуганных птиц. Он найдёт ответ. Обязательно найдёт. Он не может подвести её. Снова. Не после всего, что было. Не после того, как она исчезла, а потом появилась — живая, настоящая, здесь, в этом странном, сотканном из воспоминаний мире.

Он не знал, что он в ловушке. Не знал, что за ним наблюдают. Не знал, что тот, кто создал эту иллюзию, уже празднует победу.

Он смотрел на чёрные розы, на Веронику, на солнце, которое золотило её волосы, и чувствовал, как внутри него разливается странное, почти забытое тепло.

Она была здесь. И этого было достаточно. Пока.

— Дамиан, — она обернулась, и в её голосе снова появилась твёрдость. — Мы не можем оставаться здесь вечно.

— Я знаю, — ответил он, и в его глазах зажёгся тот самый огонь — холодный, расчётливый, опасный. — И мы не останемся.

Он шагнул к ней, протянул руку. Она посмотрела на его ладонь — с минуту, с полминуты — и, наконец, вложила в неё свою.

— Только попробуй меня подвести, — сказала она, и в её голосе не было угрозы — только то, что бывает между теми, кто прошёл через огонь и воду, через смерть и возрождение, и всё ещё остаётся рядом.

— Не подведу, — ответил Дамиан.

Они стояли в саду, среди чёрных роз, и солнце светило на них, и ветер играл с их волосами, и где-то там, за пределами этого мира, тот, кто создал эту ловушку, улыбался.

Глава 4. Вероника.

Я ходила по коридорам академии, как тень.

Буквально — мои ноги не касались пола, мои руки проходили сквозь стены, а моё дыхание не оставляло следа на холодном, прозрачном воздухе. Я была призраком. Наблюдателем. Тем, кого не видят, не слышат, не чувствуют. И это было странное, почти мистическое ощущение — быть здесь, среди них, и одновременно не принадлежать этому миру.

Студенты проходили сквозь меня, не замечая. Их голоса, смех, шаги — всё это было рядом, но я не могла коснуться его. Я была тенью среди живых, и это разрывало меня на части.

Я зашла в комнату, которую почему-то узнала сразу. Маленькая, светлая, с высоким окном, выходящим в сад. Белая кровать, покрытая лёгким покрывалом с вышивкой, старый письменный стол у стены, заваленный книгами и пергаментами. На подоконнике стояла ваза с полевыми цветами — простыми, нежными, такими, какие любят собирать в полях ранним утром, пока роса ещё не высохла.

Её комната. Моя комната.

Молодая Вероника сидела за столом, склонившись над листом бумаги. Она была такой… живой. Русые волосы, заплетённые в толстую косу, перекинуты через плечо; кончик пера, которым она водила по бумаге, чуть дрожал от напряжения; на щеках играл лёгкий румянец — свежий, молодой. Она не знала ещё, что такое боль. Не знала, что такое терять. Не знала, что её ждёт впереди.

Я подошла ближе и заглянула через её плечо. Письмо. Она писала письмо Амалии.

«Я в академии, и у меня всё хорошо. До сих пор не верится, что родители разрешили мне сюда отправиться. Здесь потрясающе. А сад, если бы ты только видела этот сад! Он как из сказки — бесконечные клумбы, старые дубы, фонтаны… и воздух такой, что хочется дышать им вечно. Надеюсь, что ты сможешь приехать ко мне и прогуляться вместе. Мы бы сидели в беседке, читали книги и болтали до заката. Очень сильно скучаю по тебе. Люблю тебя. Твоя сестра Вероника».

Она поставила точку, аккуратно сложила письмо втрое, запечатала конверт воском — и поцеловала его. Легко, почти невесомо, но с такой нежностью, что у меня защемило сердце.

Сколько любви было в ней. Сколько надежды.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри меня поднимается волна боли. Слова Дамиана — те, что он сказал когда-то, — вдруг всплыли в памяти, как камни из ледяной воды.

«Амалия умерла совсем юной. Она не успела ничего испытать в этой жизни».

Я зажмурилась, пытаясь прогнать это воспоминание. Она ещё не знала. Она ещё надеялась. Она верила, что Амалия приедет, что они будут гулять по этому саду, что сёстры встретятся вновь.

Увидит ли она снова свою сестру? Увижу ли я её когда-нибудь?

Я открыла глаза и посмотрела на молодую Веронику. Она перечитывала другое письмо, и на её губах играла лёгкая, счастливая улыбка. Она была прекрасна — в своей наивности, в своей вере, в своей любви.

«Милая Амалия, — прошептала я внутри себя. — Ты навсегда в моём сердце.»

Голос мой был тихим, почти неслышным, но он был. Я чувствовала, как слова текут из меня, как они наполняют пустоту, которая разрослась там, где когда-то жила сестра.

Я сделала шаг назад. Неловкий, неуверенный.

И задела вазу.

Я видела, как она наклонилась, как цветы в ней качнулись, как ваза, тонкая, хрупкая, упала на пол и разбилась вдребезги. Осколки разлетелись по деревянному полу, сверкая в

лучах заходящего солнца, и тишина в комнате стала такой густой, что можно было резать ножом.

Как это возможно?

Я стояла, не двигаясь, и смотрела на разбитую вазу. Моя рука всё ещё была протянута вперёд — та самая, что коснулась её. Но она была пуста. Я не чувствовала тяжести, не чувствовала холода, не чувствовала ничего.

— Кто здесь? — Вероника резко подняла голову, и её глаза — мои глаза — метнулись по комнате. В них был страх, смешанный с надеждой.

Я замерла. Сердце моё, если оно вообще было у меня, пропустило удар.

Она смотрела в мою сторону. Прямо на меня. Её взгляд был таким острым, таким внимательным, что на мгновение мне показалось — она видит меня. Она чувствует меня.

Но нет.

Её глаза прошли сквозь меня, остановились на стене за моей спиной, на окне, на тени, которую отбрасывала лампа.

— Глупости, — сказала она, и в её голосе зазвучала та самая, знакомая мне твёрдость. — Никого здесь нет.

Она покачала головой, встала, подошла к осколкам и начала собирать их. Пальцы её были осторожными, почти нежными, и я смотрела, как она поднимает один осколок за другим, как они сверкают в её руках, как отражают её лицо — молодое, красивое, ещё не тронутое болью.

Я попробовала снова. Протянула руку к письму, которое лежало на столе, хотела дотронуться до него, прикоснуться к её миру, к её жизни, к её надежде.

Но моя рука прошла сквозь бумагу, сквозь чернила, сквозь все те слова, которые она написала с такой любовью.

Я по-прежнему была тенью.

Я опустила руку и отошла к окну. Солнце садилось, окрашивая небо в багровые и золотые тона. Сад внизу был пустым, и только ветер шевелил листву, разнося по дорожкам жёлтые, опавшие листья. Где-то вдалеке смеялись студенты, звенели голоса, и я слышала этот смех — такой живой, такой настоящий.

Но он не принадлежал мне.

Я посмотрела на молодую Веронику. Она закончила собирать осколки, ссыпала их в корзину, вытерла руки и снова села за стол. Взяла перо, обмакнула в чернильницу, и я увидела, как на чистом листе появляются первые слова.

Новое письмо. Наверное, снова Амалии. Снова о том, как она скучает. Снова о надежде.

Я стояла у окна, глядя на неё, и чувствовала, как внутри меня разливается странное, почти щемящее спокойствие.

Она не знает. Она не должна знать.

Я попыталась дотронуться до её плеча, но рука прошла сквозь неё, как сквозь воду, как сквозь сон, как сквозь все те стены, что разделяют миры.

— Будь сильной, — прошептала я.

Она вздрогнула, подняла голову и посмотрела в пустоту.

— Кто здесь? — спросила она ещё раз, но теперь в её голосе не было страха. Только удивление. Только любопытство.

Я не ответила. Не могла.

Я выскользнула из комнаты так же бесшумно, как и вошла, оставив её одну — с её письмами, с её надеждами, с её мечтами о встрече, которой, возможно, уже никогда не суждено случиться.

Только на пороге я остановилась и обернулась.

— Спи спокойно, моя юная Вероника, — прошептала я. — Мы ещё встретимся.

Глава 5. Дамиан

Дамиан бродил по коридорам академии, и каждый его шаг отдавался эхом в пустоте.

Здесь было тихо — слишком тихо для места, которое когда-то кипело жизнью. Студенты, смех, споры, звуки шагов, хлопанье дверей — всё это исчезло, оставив после себя только пыль, тишину и воспоминания. Солнечный свет пробивался сквозь высокие стрельчатые окна, падая на пол длинными, золотистыми полосами, в которых танцевали пылинки, и это был единственный признак жизни в этом мёртвом, застывшем мире.

Он зашёл в свою комнату.

Она была точь-в-точь такой же, какой он помнил её — маленькая, тесная, с одним узким окном, выходящим во внутренний двор. Старый письменный стол у стены, заваленный книгами и свитками. Кровать, застеленная тёмным покрывалом, которое уже выцвело от времени. На стене, прямо у изголовья, всё ещё висел его любимый кинжал — тот самый, который он когда-то получил в подарок от Воланда.

Здесь ничего не изменилось.

Дамиан подошёл к стене, провёл пальцами по шершавой поверхности, и его рука сама собой остановилась на вмятине.

Она была глубокой — такой глубокой, что камень вокруг неё потрескался, образуя тонкую, паутинистую сеть. Он помнил, как появилась эта вмятина. Помнил каждую секунду того вечера, когда его мир рухнул впервые.

Воспоминание нахлынуло.

Молодой Дамиан влетел в комнату, хлопнув дверью с такой силой, что задрожали стены. Он был зол — бесконечно зол. На самого себя. На свою глупость, на свою слабость, на то, что позволил себе чувствовать то, что не должен был чувствовать.

— Дурак! — прошептал он, и его голос сорвался на хрип. — Дурак, дурак, дурак!

Он ударил кулаком по стене. Раз. Второй. Третий. Боль пронзила руку, но он не остановился. Он продолжал бить, пока костяшки не покрылись кровью, пока на стене не осталась та самая глубокая вмятина.

Кровь стекала по его пальцам, капала на пол, оставляя тёмные, влажные пятна на каменных плитах. Дамиан опустил руку и прислонился лбом к холодной, мокрой стене, чувствуя, как дрожит всё тело.

В дверь неожиданно постучали — три коротких, тихих удара.

— Дамиан, — послышался голос из-за двери. Тот самый голос, от которого у него начинало быстрее биться сердце. Голос, который он ненавидел и любил одновременно.

Он не ответил. Замер, прислушиваясь к своему дыханию, к стуку своего сердца, к тому, как кровь стучит в висках.

— Дамиан, я знаю, что ты там! — она дёрнула дверную ручку, но та была надёжно заперта. — Открой мне!

Он стоял, не двигаясь. Перед глазами всё ещё была пелена, в ушах звенела тишина, и он не хотел никого видеть. Даже её. Особенно её.

— Дамиан, пожалуйста…

Она стояла за дверью ещё какое-то время. Он слышал её дыхание — такое близкое, такое живое, такое недосягаемое. А потом — её шаги, удаляющиеся по коридору, затихающие, исчезающие.

— Дурак… — прошептала она из-за закрытой двери. И ушла.

Он остался один. С вмятиной на стене. С кровью на руках. С чувством, которое разрывало его изнутри.

— Дамиан! — голос из реальности вырвал его из воспоминаний.

Он вздрогнул, резко обернулся.

Вероника стояла в дверях. Её силуэт, тонкий, хрупкий, вырисовывался на фоне тусклого света из коридора. На мгновение ему показалось, что это всего лишь видение — ещё один призрак прошлого, который пришёл напомнить ему о его собственной глупости.

Но она была реальной. Живой. Здесь, с ним.

— Да что с тобой? — её голос звучал сердито, но в нём слышалась и тревога.

— Что? — он провёл рукой по лицу, пытаясь стряхнуть остатки прошлого. — Что случилось?

— Я зову тебя, а ты не отзываешься! — она сделала шаг в комнату, и её глаза скользнули по стенам, по столу, по кровати. — У тебя всё нормально?

— Я задумался, — сказал он, и на его губах появилась лёгкая, почти невесомая усмешка. — И потом, ты редко меня зовёшь. Вообще-то почти никогда.

— Редко зову, потому что в самые важные моменты ты никогда не отзываешься, — парировала она, скрестив руки на груди. — И мне приходится расхлёбывать всё одной.

Он хотел возразить, хотел сказать, что это не так, что он всегда был рядом, даже когда она не знала об этом. Но слова застряли в горле.

— Что случилось? — спросил он снова, переводя разговор на другую тему.

Она не ответила сразу. Прошлась по комнате, и её взгляд, скользнув по стенам, остановился на той самой вмятине. Она задержалась на ней на несколько секунд, изучая её, как старую рану, которая не заживает.

Но она ничего не сказала.

— Это твоя комната? — спросила она наконец, отводя взгляд.

— Да, — кивнул Дамиан, чувствуя, как внутри разливается странное, почти болезненное напряжение.

— Ты будешь здесь ночевать?

— Да. Где же ещё.

Она повернулась к нему, и её глаза — тёмные, глубокие, с тем самым огнём, который он так хорошо знал, — смотрели на него в упор.

— Я хочу спать рядом, — сказала она.

Он замер. Сердце его пропустило удар.

— Что? — переспросил он, надеясь, что ослышался.

— Да что с тобой? — она усмехнулась, но в этой усмешке не было насмешки. Только усталость. — Я не говорю, что хочу нырнуть в твою постель. Я просто хочу, чтобы ты был рядом. В одной комнате.

Он смотрел на неё, пытаясь понять, что за этим стоит. Она говорила о безопасности, но в её голосе было что-то ещё — что-то, что она не хотела произносить вслух. И это что-то было страшнее любой лжи.

— Зачем? — спросил он, и его голос прозвучал тише, чем он хотел. — Ещё недавно ты хотела бежать от меня как можно дальше.

— Я и сейчас этого хочу, — она посмотрела ему прямо в глаза, и в её взгляде не было ни тени сомнения. — Просто… только ты знаешь, как отсюда выбраться. И как вернуть меня домой. Поэтому я предпочитаю отныне держаться поближе к тебе.

— Ты можешь лечь в соседней комнате, — предложил Дамиан, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Нет, Дамиан! — она шагнула к нему, и теперь между ними было всего несколько дюймов воздуха. — Я лягу спать в твоей комнате. Нам с тобой не привыкать, правда ведь?

Она усмехнулась, но в этой усмешке не было прежней колкости.

— Мы не знаем, что это за Вселенная, — продолжила она, и её голос стал серьёзнее. — Не знаем, каких сюрпризов от неё ждать. Так что я буду спать с тобой. И точка.

Дамиан смотрел на неё, и внутри него всё дрожало. Её глаза, её голос, её близость — всё это напоминало ему о том, чего он так долго боялся. О том, что он никогда не сможет отпустить её. О том, что она — его единственная слабость.

— Хорошо, — сказал он наконец, и его голос был тише, чем он хотел.

Она кивнула, развернулась и уже почти вышла за дверь, когда остановилась и обернулась.

— И постарайся быстрее найти выход отсюда! — добавила она, и в её голосе снова зазвучала прежняя твёрдость. — Я не планирую делить с тобой постель долгое время. Я этого просто не выдержу!

— Конечно, — ответил Дамиан, и в его голосе не было ни насмешки, ни раздражения — только понимание.

Она вышла. Дверь за ней закрылась, и он остался один.

Он стоял посреди комнаты, глядя на закрытую дверь, и чувствовал, как на его губах, помимо воли, заиграла лёгкая, едва уловимая улыбка.

Она была здесь. Она сказала, что хочет быть рядом. Даже если это было всего лишь из страха, из желания выжить — это было больше, чем он ожидал.

Он провёл рукой по стене, по той самой вмятине, которая осталась там много лет назад. И вдруг понял, что боль от того дня стала немного тише.

Она вернулась. И, может быть, в этот раз всё будет иначе.

Глава 6. Вероника.

Лекционный зал был огромным, с высокими сводчатыми потолками, на которых тускло поблёскивали старые, выцветшие фрески. Свет проникал сквозь узкие стрельчатые окна, падая на каменные стены длинными полосами, в которых танцевали пылинки. Вдоль стен тянулись стеллажи с оружием — мечи, кинжалы, секиры, арбалеты, всё то, что должно было стать основой обучения будущих воинов. В центре зала стояли длинные деревянные скамьи, на которых сидели студенты — в основном юноши, крепкие, уверенные, с лёгкой усмешкой на лицах.

Молодая Вероника сидела на самом краю скамьи, ближе к выходу, будто хотела в любой момент раствориться в воздухе. На ней было простое серое платье, туго стянутое на талии поясом, и волосы заплетены в толстую косу. Она смотрела прямо перед собой, на наставника, но я видела, как её пальцы сжимают край скамьи, как напряжены плечи.

Она была единственной девушкой на этой лекции.

Двое парней, сидевших позади неё, переглянулись и усмехнулись. Один из них — высокий, рыжий, с веснушчатым лицом — достал из кармана маленький камешек и, не глядя, запустил им в Веронику. Камешек ударил её в плечо, и она вздрогнула, но не обернулась. Парни захихикали.

Я стояла в углу зала, невидимая, как тень, и смотрела на это. Внутри меня всё кипело. Я видела, как они кидаются в неё мелкими предметами — камешками, огрызками яблок, монетками, — как она вздрагивает от каждого удара, но не подаёт виду. Её спина оставалась прямой, взгляд — устремлённым вперёд, и только побелевшие костяшки пальцев выдавали, что ей вовсе не всё равно.

Дамиан сидел в другом конце зала.

Он смотрел на эту сцену с лёгкой, почти незаметной ухмылкой. В его глазах — тёмных, глубоких, уже тогда умеющих скрывать истинные чувства — не было ни сочувствия, ни гнева. Только холодное, изучающее любопытство. Он наблюдал за происходящим так, будто это был спектакль, в котором ему отведена роль зрителя.

А вот Воланд выглядел встревоженным. Он сидел рядом с Дамианом, но его взгляд был прикован к Веронике, к тому, как она терпит издевательства, как сжимает край скамьи, как не позволяет себе заплакать. Его челюсть была сжата, кулаки сжаты.

— Что смешного, господа? — раздался вдруг голос наставника — старого, седого мужчины с шрамом через всю щёку, который, казалось, видел всё на свете.

— Да новенькая, — заржал рыжий парень, и его голос разнёсся по залу. — Мы просто удивляемся — что она вообще тут делает? Это же лекция по оружию! Не женское это дело!

Зал взорвался хохотом. Голоса, насмешливые, громкие, эхом отражались от стен, заполняя всё пространство.

— А я слышал, она хочет стать воином! — крикнул кто-то ещё.

— Может, ей лучше учиться вышивать? — добавил другой.

Вероника сидела, не двигаясь. Её щёки залились румянцем, но она не опустила голову. Она смотрела прямо перед собой, на преподавателя, и ждала. Я знала это чувство — когда каждая секунда длится вечность, когда хочется провалиться сквозь землю, но ты не позволяешь себе этого.

— А что ты скажешь, красавица? — рыжий парень наклонился вперёд, и его лицо оказалось в нескольких дюймах от её плеча. — Ты вообще умеешь держать меч?

И тут Воланд не выдержал.

Он резко поднялся со скамьи, с такой силой, что она едва не перевернулась.

— Хватит! — его голос, звонкий, молодой, прозвучал над залом, заставляя все разговоры стихнуть. — Что вы к ней прицепились? Она пришла учиться, как и все. Оставьте её в покое!

Рыжий парень обернулся к Воланду, и на его лице появилась насмешливая улыбка.

— Ого, смотрите-ка! У нас появился защитник! — он обвёл взглядом остальных, и те снова захохотали. — Может, ты ещё жениться на ней собрался? Или просто хочешь развлечься?

— А вот это уже не твоё дело! — Воланд шагнул вперёд, и в его голосе зазвенела угроза.

— Воланд! — раздался голос Дамиана, но тот не обернулся на брата. Его глаза были прикованы к рыжему парню.

— Заткнись, — прошептал он, но с такой силой, что тот отшатнулся.

На мгновение в зале стало тихо. Даже наставник казалось, затаил дыхание, наблюдая за этой сценой.

А потом произошло то, чего никто не ожидал.

Из рук Вероники вырвался огненный шар.

Он был ярким, слепящим — клубок чистого, красного пламени, который с шипением пронёсся над головами студентов и врезался в стену позади рыжего парня. Тот, не успев увернуться, только моргнул, и огненный шар ударил в деревянный шкаф, стоявший у стены. Шкаф мгновенно загорелся — языки пламени поползли по старому, сухому дереву, и в воздухе запахло гарью.

Все замерли.

— Что… — прошептал кто-то из студентов.

— Это была магия! — крикнул другой.

— Она ведьма!

Наставник подошёл к Веронике, его лицо было бледным. Он схватил её за руку, вывел из-за стола и указал в сторону двери.

— Вон отсюда! — прошипел он. — Немедленно!

Вероника не сопротивлялась. Она вышла из класса, опустив голову, и дверь за ней захлопнулась.

Воланд рванул за ней.

Он выбежал в коридор, где она уже стояла, прислонившись спиной к холодной каменной стене, и пыталась отдышаться. Щёки её горели, глаза были влажными, но она не плакала — только тяжело дышала, как после долгого бега.

— Ты в порядке? — он подошёл к ней, и в его голосе прозвучала такая искренняя тревога, что она подняла на него глаза.

— Зачем? — спросила она, и её голос дрогнул. — Зачем ты пошёл за мной?

Он растерянно моргнул, будто не ожидал такого вопроса.

— Я подумал, вдруг тебе нужна помощь!

— У тебя будут проблемы с наставником, — она покачала головой, и в её голосе прозвучала усталость. — Ты зря…

— Да разве это проблемы! — он усмехнулся, и в его глазах зажёгся тот самый озорной огонёк. — Не волнуйся. Ты как?

Она посмотрела на него — долго, изучающе, будто видела впервые.

— Немного в шоке, — призналась она, и на её губах появилась лёгкая, почти невесомая улыбка. — Но уже прихожу в себя.

— Это было просто потрясающе! — выпалил Воланд, и его глаза загорелись восторгом. — Я никогда не видел ничего подобного! Откуда у тебя…

— А мне кажется, наставник не оценил, — перебила Вероника, и они оба засмеялись.

Их смех — звонкий, молодой, искренний — разнёсся по коридору, отражаясь от стен, от потолка, от самого сердца этого старого замка. Смех, который рождается только между теми, кто пережил что-то вместе. Кто знает, что такое быть на грани.

Они задержали взгляды друг на друге чуть дольше, чем следовало.

И в этот момент что-то изменилось.

Я стояла в тени и чувствовала, как внутри меня разливается что-то тёплое, почти забытое. Я видела их, таких молодых, таких живых, таких полных надежд, и понимала — именно в этот момент между ними начало зарождаться то самое чувство. Тот огонь, который потом разгорится в нечто большее, чем просто дружба.

— Мне следовало жестче осадить их! — сказал Воланд, и в его голосе прозвучала лёгкая злость на самого себя.

— Нет, — Вероника покачала головой, и её голос стал твёрже. — Ты вообще зря влез в разговор. Я могу за себя постоять.

— Это точно! — он улыбнулся, и в его глазах мелькнула та самая искра, которую я так хорошо знала. — Теперь я это вижу.

— Ну, — Вероника вытерла глаза тыльной стороной ладони и слегка улыбнулась, — увидимся завтра, Воланд.

— Увидимся, — он кивнул, но не уходил. Он смотрел на неё, на эту девушку с огненным шаром в руках, и на его лице было такое выражение, что я невольно улыбнулась.

Они стояли в коридоре, и солнце золотило их волосы, и ветер играл с их одеждой. И я знала — этот момент останется с ними навсегда.

Я отошла в тень и посмотрела на молодую Веронику. Она смотрела вслед Воланду, который уходил по коридору, и на её губах играла та самая улыбка — лёгкая, почти невесомая, которая появляется, когда понимаешь, что мир только что изменился.

И, возможно, изменился навсегда.

Глава 7. Вероника.

Кабинет ректора академии был огромным, пропитанным запахом старого дерева, воска и времени. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке, и только лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь узкие стрельчатые окна, золотили стены, увешанные старыми портретами. На них были изображены бывшие ректоры — суровые, с пронзительными взглядами, в тёмных мантиях, расшитых серебряными нитями. Казалось, они следили за каждым движением в этом кабинете, храня молчаливые тайны.

В центре комнаты стоял массивный письменный стол из тёмного дуба, инкрустированный бронзой и покрытый слоем пыли, которая, казалось, оседала здесь веками. За ним сидел ректор Торнвуд — высокий, темноволосый мужчина с пронзительными серыми глазами, в которых читалась вековая мудрость. Его лицо было спокойным, почти невозмутимым, а длинные пальцы, унизанные старыми серебряными кольцами, лежали на столе, словно он был готов в любой момент взять перо и подписать приговор.

Рядом с ним стоял наставник Грейвуд — коренастый, с красным, взволнованным лицом, на котором застыло выражение праведного гнева. Он размахивал руками, то и дело тыкая пальцем в сторону Вероники, которая сидела на деревянном стуле в углу кабинета.

— Я требую её отчисления! Немедленно! — голос Грейвуда звенел от негодования, отражаясь от стен и смешиваясь с эхом вечернего света.

— Ну-ну, — ректор Торнвуд поднял руку, останавливая его жестом, который не терпел возражений. — Ничего страшного не произошло. Шкаф можно заменить, рукописи — восстановить. Не стоит поднимать шум из-за такой мелочи.

— Она метнула огненный шар прямо в шкаф! — воскликнул наставник, и его лицо побагровело. — Много рукописей сгорело или пострадало! Это же бесценные материалы!

— Для важных рукописей у нас есть библиотека, — заметил ректор, и в его голосе прозвучала лёгкая насмешка. — Не стоит хранить их там, где они могут пострадать. Это было бы… неосмотрительно.

— Но… — Грейвуд запнулся, его глаза метнулись к Веронике, и в них загорелся холодный огонь. — Она же… она ведьма! Я видел это собственными глазами! Она применила магию!

— Я не ведьма! — Вероника резко подняла голову, и её голос прозвучал звонко, почти вызывающе. В её глазах — тёмных, глубоких, полных того самого огня — горела такая ярость, что даже Грейвуд на мгновение отступил.

— Вероника, — ректор Торнвуд посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом, и его голос стал мягче, почти отеческим. — Ведьма — не оскорбление. Но да, ты не ведьма. Ты — нечто большее. И тебе нужно научиться управлять тем, что скрыто внутри тебя.

— Вы бы видели это! — Грейвуд снова заговорил, и его голос задрожал от возмущения. — Это был не просто шар! Это был столб пламени! Он мог убить кого-то из студентов! И вообще, у нас ведь есть факультет магии. Пусть идёт туда! Там место таким, как она!

— Я не хочу на факультет магии, — Вероника поднялась со стула, и в её голосе зазвучала сталь. — Я хочу изучать боевые искусства.

Грейвуд усмехнулся — громко, презрительно, с той самой насмешкой, которая всегда появлялась у тех, кто считал женщин слабыми.

— Боевые искусства? Женщина? — он покачал головой, и его глаза, маленькие, колючие, впились в неё, как булавки. — Твоё дело — рожать детей и сидеть дома, пока мужчины воюют. А раз у тебя есть магические способности, то иди к таким же, как ты. На факультет магии. Там тебе самое место.

— Спокойно, спокойно! — ректор Торнвуд резко поднялся из-за стола, и его фигура — высокая, величественная, окутанная тенью, — нависла над кабинетом, как скала. — У нас

в академии нет дискриминации. Если Вероника желает изучать боевые искусства, то пусть изучает.

Он сделал паузу, обводя взглядом кабинет, и его голос стал тише, но от этого не менее весомым.

— Но, — он поднял палец, и в этом жесте было столько силы, что даже Грейвуд замер. — У меня есть прекрасный магистр магии. Элрик. Он будет давать тебе частные уроки.

— Но… — Вероника попыталась возразить, но ректор перебил её.

— Это не обсуждается, — сказал он, и в его голосе зазвучала та самая власть, которая заставляла студентов бледнеть от одного его взгляда. — В тебе сокрыта огромная сила, Вероника. И ты должна уметь ей управлять. Если хочешь остаться в академии, я лично провожу тебя к Элрику. Ты хочешь остаться в академии?

Вероника смотрела на него долгую, тяжёлую секунду. Её глаза — те самые, которые я так хорошо знала, — метались по кабинету, по портретам на стенах, по лицу Грейвуда, который ждал её поражения.

— Хочу, — ответила она наконец.

— Тогда решено, — ректор Торнвуд кивнул и сел обратно в кресло. — Ступай в свою комнату, Вероника. Я зайду чуть позже и провожу тебя к нему.

— Спасибо, — она кивнула и, не оборачиваясь, направилась к двери.

Но за её спиной всё ещё звучал злобный шёпот Грейвуда.

— Ты слишком добр с ней, — прошипел он. — Она просто несносна. С ней будут одни проблемы. Я это чувствую.

— Время покажет, — спокойно ответил ректор. — А пока — оставь её в покое.

Глава 8. Вероника.

Вероника вышла в коридор, и свет из высоких окон упал на её лицо, делая его бледным, почти прозрачным. Она перевела дыхание, провела рукой по лицу, прогоняя усталость.

И в этот момент она столкнулась с ними.

Дамиан, Воланд и третий парень — Дориан — стояли в коридоре, прислонившись к стене. Они явно ждали её. Их лица были напряжёнными, но в глазах горело любопытство.

— Вероника! — воскликнул Воланд, делая шаг вперёд. Его голос был таким живым, таким нетерпеливым, что я невольно улыбнулась. — Что сказал ректор? Тебя не отчисляют?

— Нет, — Вероника покачала головой, и на её губах появилась лёгкая, почти невесомая улыбка.

— Пока нет, — усмехнулся Дамиан, и в его голосе зазвучала та самая холодная насмешка, которую я так хорошо знала.

Она кинула на него злобный взгляд, но он лишь усмехнулся шире.

— Я буду заниматься с каким-то Элриком, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Он будет обучать меня пользоваться силой.

— О, да! — Дамиан развёл руками, и в его глазах загорелся опасный огонёк. — Тебе точно надо научиться пользоваться силой с умом. А то ты всю академию испепелишь.

— Заткнись, Дамиан! — сказал Воланд, и в его голосе прозвучала такая злость, что Дамиан на мгновение замер.

— А что я такого сказал? — удивился он, но в его голосе не было раскаяния. — Это правда!

Воланд повернулся кВеронике, и его лицо стало мягче.

— Ты точно в порядке? — спросил он, и его рука, дрогнув, коснулась её руки.

Я видела, как Вероника замерла на мгновение, как её дыхание перехватило, как она, поколебавшись, осторожно ответила на его прикосновение и сжала его ладонь.

Этот жест не ускользнул от глаз Дамиана.

Я видела, как его глаза сузились, как его лицо на мгновение напряглось. Но он быстро взял себя в руки, и его выражение лица снова стало холодным, насмешливым.

— Всё хорошо, — Вероника постаралась изобразить улыбку, но в этой улыбке была усталость. — Спасибо за заботу. Мне надо идти. Ректор скоро придёт за мной.

— Хорошо, — Воланд не убирал руки. Его взгляд был прикован к ней, и в нём было столько нежности, столько восхищения, что я невольно почувствовала, как внутри меня разливается тепло. — Увидимся позже?

— Конечно, — Вероника улыбнулась — на этот раз искренне, светло, — и скрылась в коридоре.

Воланд ещё долго смотрел ей вслед. Его глаза, его поза, его дыхание — всё в нём говорило о том, что он не может оторваться от неё.

— Да хватит уже пялиться, — усмехнулся Дамиан, и его голос зазвучал громче, чем следовало. — Ты на ней дыру протрёшь.

— Отстань, — отмахнулся Воланд, и в его голосе было столько раздражения, что Дамиан на мгновение замолчал.

— Она мне нравится, — добавил Воланд, и его голос стал совсем тихим.

Дамиан замер. На его лице появилось выражение, которое он тщательно скрывал — смесь тревоги и чего-то, что я не могла понять.

— Только не вздумай влюбляться, — сказал он, и его голос был жёстким, почти предостерегающим. — Ты же знаешь, что тебе нельзя влюбляться.

— Сам разберусь, — ответил Воланд, и в его голосе зазвучала та самая упрямая решимость, которую я так хорошо знала. — Пошли!

Он развернулся и пошёл в сторону сада, и Дориан, переглянувшись с Дамианом, последовал за ним.

А Дамиан задержался.

Я видела, как он стоит, прислонившись к стене, и смотрит в ту сторону, куда ушла Вероника. Его глаза — тёмные, глубокие, полные той самой боли, которую он никогда не показывал, — были устремлены туда, где только что стояла она.

На его губах появилась улыбка.

Другая. Не насмешливая, не холодная. Тёплая. Почти нежная.

Никто не видел этого. Ни Воланд, ни Дориан, ни случайные прохожие. Только я — невидимый зритель, стоящий в тени.

Дамиан тоже чувствовал это. Что бы он ни говорил, что бы ни скрывал, он тоже был очарован ею. С самого начала.

Он развернулся и ушёл, оставив после себя только тишину и свет, который золотил пустой коридор.

А я осталась стоять в тени, смотря ему вслед, и чувствовала, как внутри меня смешиваются боль, надежда и какая-то странная, почти забытая радость.

Глава 9. Вероника.

Кабинет Элрика находился в самой старой части академии — там, где стены помнили ещё первые камни, заложенные основателями, а воздух был пропитан запахом вековой пыли и древних свитков. Дверь, массивная, из тёмного дуба, с бронзовыми петлями, покрытыми патиной времени, открылась бесшумно, впуская Веронику в мир, который казался застывшим между эпохами.

Комната была небольшой, но уютной — залитой мягким светом, который струился из высокого окна, выходящего во внутренний двор. На стенах, выкрашенных в тёплый, медовый цвет, висели карты звёздного неба и старые схемы, на которых были изображены созвездия, сплетённые в причудливые, почти магические узоры. Вдоль стен тянулись стеллажи, битком набитые книгами — старыми, потрёпанными, с кожаными переплётами, на которых золотом были вытиснены названия на языках, давно забытых миром. В центре комнаты стоял стол, заваленный свитками, чернильницами и странными приборами, назначение которых можно было только угадывать.

И за этим столом сидел Элрик.

Он был старым — очень старым, с седой бородой, которая спускалась до самой груди, и лицом, изрезанным глубокими морщинами, как карта давно забытых дорог. Но его глаза — яркие, живые, с искоркой озорства — смотрели на мир с той детской, почти наивной улыбкой, которая сразу же располагала к себе. На нём была простая серая мантия, перехваченная поясом с потёртыми серебряными пряжками, и на шее висел небольшой амулет — серебряный, с вкраплениями лазурита, — который мерно покачивался при каждом движении.

Когда Вероника вошла в комнату, он поднял на неё глаза — и замер.

На мгновение. Всего на одно мгновение.

Я видела, как его лицо побледнело, как его руки, лежавшие на столе, дрогнули, как его глаза — те самые, живые, озорные, — вдруг стали серьёзными, почти испуганными. Он смотрел на неё так, будто видел призрака. Будто перед ним стоял кто-то, кого он потерял много лет назад.

— Прости, дитя моё, что я так изучающе смотрю на тебя, — сказал он наконец, и его голос, низкий, с лёгкой хрипотцой, зазвучал мягко, почти ласково. — Просто ты… ты как две капли воды похожа на свою мать.

Вероника вздрогнула. Её глаза расширились, и я видела, как на её лице отразилась целая гамма чувств — удивление, любопытство, надежда.

— Мою мать? — переспросила она, и её голос дрогнул. — Вы её знали?

— Да, — Элрик медленно кивнул, и его взгляд стал мягче, теплее. — Я знал её. Прекрасная девушка была. Добрая, светлая. В ней тоже была сила, но она не хотела её признавать. Как и ты. Как она сейчас? — спросил он, и в его голосе прозвучало что-то, что я не могла описать.

— Спасибо, всё хорошо, — ответила Вероника, и её улыбка стала чуть грустнее.

Он помолчал, собираясь с мыслями, и его пальцы, тонкие, с узловатыми суставами, легли на край стола, словно он искал опору.

— Я слышал, что ты обладаешь неким даром, — сказал он, и его голос снова стал ровным, спокойным.

— Мне не нужен этот дар! — выпалила Вероника, и в её голосе зазвучала та самая ярость, которую я так хорошо знала. — Я никогда не просила его. Я не хочу быть…

— Не стоит так говорить, — перебил её Элрик, и его голос стал твёрже, но не жёстче. — Нужен он или нет, а он тебе дан. Отказаться от дара ты не можешь. Но ты можешь научиться использовать его во благо.

Вероника опустила голову. Её плечи поникли, и она вдруг стала похожа на ребёнка, который не знает, как справиться с тем, что свалилось на неё.

— Как часто у тебя такие всплески? — спросил Элрик, и его голос снова стал мягче.

— Редко, — ответила она, и её голос был тихим, почти безжизненным. — Обычно я могу себя контролировать. Но сегодня… эти глупые мальчишки… они так сильно меня разозлили, что сила появилась буквально из ниоткуда.

— Понимаю, — Элрик кивнул, и его глаза, тёмные, глубокие, смотрели на неё с сочувствием. — Я понимаю.

Он замолчал, и в кабинете повисла тишина — только ветер, пробиваясь сквозь щели в окне, шелестел страницами книг, да где-то далеко, за стенами, слышались голоса студентов. А потом Элрик задал вопрос, от которого у меня по коже побежали мурашки.

— А знаки? — спросил он, и в его голосе появились новые нотки — напряжение, почти страх. — Бывало ли, что у тебя на теле появлялись какие-то… знаки?

Вероника задумалась, нахмурив лоб.

— Нет, — ответила она наконец. — Никогда. Это хорошо или плохо?

Элрик облегчённо выдохнул, и его лицо разгладилось.

— Хорошо, — сказал он, и его голос снова стал спокойным. — Знаки — это древние печати. Они появляются на телах избранных. Тех, в ком сокрыта великая сила. Если у тебя их нет, значит, тебе не о чем беспокоиться.

— Я не хочу быть никакой избранной, — ответила Вероника, и в её голосе зазвучала та самая упрямая решимость, которую я так хорошо знала.

— Тогда это тем более хорошо, что знаков не было, — улыбнулся Элрик. — Значит, нам и переживать не о чем. Будем учиться контролировать твою силу, и всё.

Он поднялся из-за стола, подошёл к ней, и его глаза, тёплые, почти отеческие, посмотрели на неё с добротой.

— Попробуй сейчас создать огненный шар, — сказал он.

Вероника напряглась. Я видела, как её пальцы сжались в кулаки, как она сосредоточилась, как её лицо побледнело от усилия. Но ничего не произошло.

— Понятно, — сказал Элрик, и в его голосе не было разочарования. — Тебе нужна эмоциональная встряска для проявления силы. Но на сегодня я думаю, с тебя хватит потрясений. Ступай, дитя моё, отдохни хорошенько.

— И это всё? — она удивлённо посмотрела на него.

— На сегодня — да, — он кивнул, и на его губах снова появилась та самая мягкая, почти детская улыбка.

— Спасибо вам, — сказала Вероника и направилась к двери.

— Вероника, — окликнул её Элрик уже в дверях, и его голос стал серьёзным. — Если вдруг ты заметишь что-то странное на своём теле… что угодно! Даже самое безобидное на первый взгляд… немедленно сообщи мне.

— Да, конечно, — она обернулась.

— Отнесись к этому серьёзно, — добавил он, и в его глазах мелькнуло что-то напоминающее тревогу.

— Обещаю, — ответила она и вышла.

Дверь за ней закрылась, и я осталась стоять в углу кабинета, невидимая, прозрачная, наблюдающая за Элриком.

Он стоял у окна, глядя в пустой двор, и его лицо, такое светлое ещё минуту назад, вдруг стало напряжённым, почти испуганным. Его руки дрожали, и он сжал их в кулаки, пытаясь успокоиться.

— Святая мать, — прошептал он, и его голос был таким тихим, что я едва расслышала. — Помоги этой девочке. Пусть она не окажется избранной.

Я замерла.

Избранной? Знаки? Но ведь в прошлых вселенных у меня были знаки на теле. Зелёные, светящиеся, пульсирующие в такт сердцу. Они появлялись, когда сила во мне просыпалась. Они были на мне.

Что же всё это значит?

Я смотрела на Элрика, который стоял у окна, и внутри меня поднималась холодная волна. Что-то было не так. Что-то не сходилось. Если у молодой Вероники не было знаков, значит, они появились позже. Но когда? И почему?

И какой ужас таится за словами Элрика?

Я отступила в тень, и моё сердце, если оно вообще было у меня, забилось быстрее.

Тайна становилась глубже.

Глава 10. Вероника.

Сад академии в этот час был залит мягким, золотистым светом.

Солнце клонилось к закату, окрашивая листву старых дубов в тёплые, медовые тона, а воздух был наполнен ароматами цветов и травы. Где-то вдалеке смеялись студенты, и этот смех, звонкий, беззаботный, разносился по дорожкам, смешиваясь с шелестом листьев и пением птиц.

На небольшой поляне, окружённой кустами пышных роз, стояли трое. Дамиан, Воланд и Дориан — они были одеты в лёгкие светлые рубахи, и в их позах чувствовалась та особая, молодая уверенность, которая бывает только в начале пути, когда ещё не знаешь, что такое потеря.

— Вероника! — воскликнул Воланд, когда она появилась на дорожке.

Он заулыбался той самой своей улыбкой, от которой у неё, кажется, начинало быстрее биться сердце. Она тоже улыбнулась в ответ — осторожно, но тепло.

— Воланд, — кивнула она, подходя ближе. — Дориан, — её взгляд скользнул по второму парню. — Дамиан.

Последнее имя она произнесла с лёгкой, едва заметной холодностью, и Дамиан, услышав это, едва заметно усмехнулся.

— Ну вот, — сказал он, разворачиваясь к брату, и в его голосе зазвучала та самая насмешливая лёгкость, которая была свойственна именно ему. — Теперь она будет всегда с нами?

— Зря ты так, Дамиан, — возразил Дориан, качая головой. — Мне она очень нравится. Она не такая, как все.

— От этого только хуже, — пробормотал Дамиан, но так тихо, что его услышала, наверное, только я.

Воланд подошёл к Веронике ближе, и в его глазах, тёплых, сияющих, светилось столько надежды, что внутри меня разлилось приятное тепло.

— Мы собирались сыграть в «Королевскую крепость», — сказал он, и в его голосе зазвучало предвкушение. — Хочешь присоединиться?

Вероника взглянула на него, потом на Дамиана, который стоял в стороне, сложив руки на груди, и его лицо было таким невозмутимым, что она едва заметно нахмурилась.

— Я совершенно не знаю правил, — призналась она, и в её голосе прозвучала лёгкая неуверенность.

— Нет времени и желания объяснять ей, — фыркнул Дамиан, и его голос зазвучал громче, чем следовало.— Давайте уже играть!

Это прозвучало как вызов.

Я видела, как взгляд Вероники изменился. Тот самый, знакомый мне огонь — упрямый, вызывающий, — зажёгся в её глазах. Она выпрямилась, подняла подбородок и посмотрела на Дамиана со стальной решимостью.

— Я быстро учусь, — сказала она, и в её голосе зазвенел металл. — Я буду играть.

Дамиан приподнял бровь, и его усмешка стала шире. Но он ничего не сказал.

Игра началась.

«Королевская крепость» оказалась чем-то средним между шахматами и стратегической дуэлью. На доске, расчерченной на множество клеток, стояли фигуры — каменные, с вырезанными на них символами, — и каждый игрок должен был защищать свою крепость, одновременно атакуя крепость противника. Правила были сложными, но Воланд, с бесконечным терпением, объяснил их Веронике, и она, к удивлению всех, схватывала их на лету.

Она играла с азартом. Её глаза блестели, пальцы сжимали фигуры, и она, казалось, забыла обо всём на свете — о своей неуверенности, о насмешках Дамиана, о том, что она здесь новенькая. Она была просто игроком, который хотел победить.

Дамиан играл с ленивой грацией, его движения были точными, просчитанными, и он, казалось, не прилагал никаких усилий, чтобы обыграть соперников. Один за другим Воланд и Дориан выбыли из игры, и через некоторое время на доске остались только двое.

Дамиан и Вероника.

Напряжение в воздухе стало почти осязаемым. Воланд и Дориан стояли рядом, наблюдая за игрой, и я видела, как на их лицах появилось предвкушение.

— У тебя нет шансов, — сказал Дамиан, и его голос был таким же ровным, спокойным, как и его движения.

— Посмотрим, — ответила Вероника, и в её голосе зазвучала упрямая нотка.

Она сделала ход. Быстрый, точный, неожиданный. Дамиан задумался на мгновение, а потом ответил — так же быстро, так же точно.

Воланд не выдержал:

— Не расстраивайся, Вероника, — сказал он, и в его голосе прозвучала поддержка. — Дамиан лучший в этой игре. С ни никто не может справится.

Вероника молчала. Она смотрела на доску, и её лицо было максимально сосредоточенным. Она делала ходы всё быстрее, всё решительнее, и я видела, как Дамиан на мгновение задумался.

— Ты не сдаёшься? — спросил он, и в его голосе прозвучала почти насмешка.

— Ты этого хочешь? — парировала она, и он усмехнулся.

Последний ход.

Вероника сделала его так быстро, что никто не успел понять, что произошло. Её фигура, маленькая, почти незаметная, скользнула по доске и заняла ту самую клетку, которую Дамиан, казалось, забыл защитить.

Тишина.

Воланд и Дориан застыли, не веря своим глазам. А потом — взрыв смеха, радостного, восторженного, такого молодого и искреннего, что у меня на губах невольно тоже появилась улыбка.

— Она победила! — закричал Дориан, хлопая в ладоши. — Вероника победила Дамиана!

— Нашёлся достойный соперник! — добавил Воланд, хлопая Дамиана по плечу. — Наверное, впервые за долгие годы тебя кто-то обыграл!

Дамиан не ответил. Он смотрел на доску, и его лицо оставалось невозмутимым. Но я видела — в его глазах мелькнуло что-то. Что-то, чего он не мог скрыть. Уважение? Удивление? Или что-то большее?

— Неплохо, — сказал он наконец, и его голос был ровным, почти безразличным. — Но в следующий раз я буду играть в полную силу.

Вероника улыбнулась — радостно, победно, но сдержанно. Она перевела дух и посмотрела на него с вызовом.

— Я буду ждать, — сказала она.

Они стояли друг напротив друга, и в этом моменте было что-то такое магнетическое, я буквально не могла оторвать от них глаз.

Дамиан смотрел на неё с пренебрежением — или делал вид, что смотрит. На его губах играла лёгкая, почти незаметная усмешка, но я знала точно — внутри него бушует буря. Он чувствовал то же, что и Воланд. Может быть, даже сильнее. Но он не мог позволить себе показать это.

Он отвернулся и пошёл к дереву, оставив её позади.

А Вероника стояла, глядя ему вслед, и на её губах, помимо её воли, появилась лёгкая, почти невесомая улыбка.

Она не знала, что между ними всё только начиналось.

Воланд подошёл к ней, и его лицо сияло.

— Ты просто потрясающая! — сказал он, и в его голосе было столько восхищения, что она улыбнулась шире.

— Я просто удачно сыграла, — ответила она.

— Нет, — покачал головой Воланд. — Ты была гениальна.

— Кажется, Дамиан это не оценил!

— Плевать, что думает Дамиан!

Они засмеялись — вместе, легко, как будто знали друг друга всю жизнь.

А Дамиан стоял в тени дерева, и его взгляд, устремлённый на них, был таким же острым, как лезвие его любимого кинжала.

Он не мог отвести взгляда от неё. От её улыбки, от её смеха, от того, как она смотрела на Воланда.

И внутри него закипало что-то, чему он ещё не мог найти логичного объяснения.

Он тоже хотел, чтобы она смотрела на него так.

Но он не мог себе этого позволить. Никогда.

Глава 11. Вероника.

Не знаю почему, но я зашла в комнату Дамиана.

Может быть, мне просто хотелось больше понаблюдать за ним. Увидеть его в те моменты, когда он не надевает свою вечную маску холодной насмешки. Понять, что скрывается за этой непроницаемой стеной, которую он так тщательно возводил вокруг себя. Я хотела разгадать его. Понять, что движет им. Что он чувствует. Кто он на самом деле — без игры, без масок, без той ледяной усмешки, которая всегда была его щитом.

Я прошла сквозь дверь — бесшумно, как призрак, как тень, которая не оставляет следов, — и замерла на пороге.

Комната Дамиана была погружена в полумрак.

Тяжёлые шторы были задернуты, пропуская лишь тонкие полосы вечернего света, которые ложились на пол, как золотистые клинки. Свечи в медных канделябрах догорали, их пламя трепетало, отбрасывая на стены дрожащие, живые тени. Воздух был наполнен запахом воска, старого дерева и чего-то ещё — чего-то, что заставило меня замереть на месте.

И она была там.

Яркая, ослепительная, с чёрными как смоль волосами, рассыпавшимися по подушке, и красивой, безупречной фигурой, которую не скрывала даже тонкая простыня. Её тело было гибким, как у кошки, а глаза — тёмными, глубокими, полными той самой страсти и преданности.

Они лежали в кровати, обнажённые, их тела были сплетены в том самом интимном танце, который бывает только между теми, кто знает друг друга не понаслышке. Его рука лежала на её талии, но она была расслабленной, почти безжизненной — будто он был здесь, но не совсем здесь. Будто его мысли витали где-то далеко.

Я вздрогнула.

Мне следовало уйти. Немедленно. Это было не моё место, не моя жизнь, не моя история. Но я не могла пошевелиться. Что-то приковало меня к этому месту, к этой сцене, к этой женщине, которая смотрела на него с такой любовью, которую я никогда не видела в его глазах.

— Ты сегодня какой-то молчаливый, — заметила она, и её голос — низкий, бархатистый, с лёгкой хрипотцой — разнёсся по комнате, нарушив тишину.

Она смотрела на него с той самой страстью, которая бывает только у тех, кто готов отдать всё, лишь бы быть рядом. Но он, казалось, не замечал этого. Его глаза — тёмные, глубокие, непроницаемые — были устремлены в потолок, и его рука, лежащая на её талии, не двигалась.

— Я всегда молчаливый, Елена, — ответил он, и его голос был ровным, почти безразличным. — Ты же знаешь.

Она нахмурилась, и на её лице появилось выражение, которое я не могла описать. Обида? Разочарование? Или что-то ещё?

— Ты давно не звал меня, — сказала она, и в её голосе прозвучала уязвимость, которую она, кажется, пыталась скрыть. — Что-то случилось?

Он даже не повернул головы.

— Я был занят, — ответил он коротко.

Её пальцы, тонкие, изящные, скользнули по его груди, как будто она пыталась привлечь его внимание, вернуть его в реальность.

— Эта новенькая ведьма, — сказала она, и её голос стал тихим, почти шёпотом. — Как там её зовут…

— Вероника, — произнёс он, и в его голосе, впервые за весь разговор, появились новые нотки.

Я видела, как его тело на мгновение напряглось, как его глаза, до этого устремлённые в потолок, на секунду замерли.

— Да, — Елена нахмурилась, и в её глазах мелькнула тень ревности. — Эта Вероника. Она постоянно с вами. Хотя ты всегда говорил, что женщине не место в мужской компании.

Он повернул голову и посмотрел на неё. Его взгляд был таким же холодным, как и всегда, но я видела — внутри него что-то дрогнуло.

— Она не с нами, — сказал он, и его голос стал тише. — Она с Воландом.

— Какая разница! — воскликнула Елена с почти детской обидой. — Мне это не нравится!

— Елена, — он приподнялся на локте, и его голос стал жёстче. — Ты становишься назойливой.

Она прикусила губу, и в её глазах мелькнул страх.

— Прости, — прошептала она.

— Мне всегда нравилась лёгкость наших отношений, — сказал он. — Поэтому я и выбрал тебя. Не заставляй меня менять своё решение.

Она смотрела на него, и в её глазах была такая боль, которую я не могла описать.

— Разве я не могу ревновать? — спросила она, и её голос дрогнул.

— Ты вправе делать что хочешь, — ответил он, в его голосе не было ни сочувствия, ни злости, только усталость. — Но не стоит посвящать меня в эти дела. Ты же знаешь, я такое не люблю.

Она опустила глаза, и на её губах появилась лёгкая, почти невесомая улыбка — та, которая появляется у тех, кто привык прощать.

— Ну прости, — прошептала она, и её пальцы снова скользнули по его груди, она пыталась вернуть его к себе, к ним, к этому моменту.

Он не отреагировал. Его взгляд по-прежнему был устремлён в потолок, и я видела, как его мысли витают где-то далеко, там, где Елены нет.

— Перестань постоянно извиняться, — сказал он с лёгкой усмешкой. — Тебе это не идёт.

Она замерла на мгновение, а потом медленно встала над ним, и её тело, гибкое, обнажённое, оказалось в лучах вечернего света, просачивающегося сквозь шторы. Она была прекрасна — эталон красоты, о которой пишут в книгах и слагают стихи. Её кожа сияла, её волосы струились по плечам, и в её глазах горел огонь страсти.

— А что мне идёт? — спросила она, и её голос стал совсем низким.

Он наконец посмотрел на неё, и на его губах заиграла знакомая, почти незаметная усмешка.

— Тебе определённо идёт нагота, — ответил он. — А ещё — когда ты не говоришь всякую ерунду.

Дамиан опрокинул её на кровать, и она вскрикнула — от неожиданности, от радости, от того, что он наконец обратил на неё внимание. Он смотрел на неё сверху вниз, и его глаза, тёмные, глубокие, полные той самой страсти, которую он так долго скрывал, были устремлены на неё.

— Вероника мне абсолютно не интересна, — сказал он твёрдым голосом. — Воланд таскается за ней, как щенок. Пусть развлекается. Меня это абсолютно не касается.

— Я рада, — ответила Елена и впилась в его губы страстным поцелуем.

Он ответил ей — с той же страстью, с тем же огнём, с той же силой. Его руки скользнули по её телу, и она застонала, прижимаясь к нему ближе.

Я развернулась и ушла.

Я выскользнула из комнаты, оставляя их наедине, и в коридоре, где было тихо и пусто, я остановилась, прислонившись к холодной стене. Моё сердце — если оно вообще было у меня

— колотилось где-то в горле, и я чувствовала, как внутри меня поднимается что-то странное, почти забытое.

Что это было? Ревность? Боль? Разочарование?

Я смотрела на закрытую дверь, за которой остались они, и чувствовала, как внутри меня разливается холод.

Он сказал, что Вероника ему не интересна. Он сказал, что Воланд может таскаться за ней сколько угодно. Он сказал, что его это не касается.

Но я видела его глаза.

В тот момент, когда он произносил её имя. В тот момент, когда он говорил о ней. В тот момент, когда он пытался убедить себя и Елену в том, что Вероника для него ничего не значит.

Он врал. Елене. Друзьям. Всем. И в первую очередь, самому себе.

Я отошла от стены и направилась прочь, оставляя за спиной эту комнату, этот разговор, эту женщину, которая держала его в своих объятиях.

И я знала — он думал о ней. О Веронике. Даже когда был с другой.

Эта мысль была одновременно болезненной и странно утешительной.

Что-то между ними только начиналось. И я не знала, к чему это приведёт.

Глава 12. Дамиан.

Дамиан зашёл в комнату и замер на пороге.

Свет из коридора — тусклый, дрожащий — упал на кровать, выхватив из полумрака её силуэт. Вероника лежала в его постели, отвернувшись к стене. Длинные волосы рассыпались по подушке, в их изгибах прятались лунные тени, просачивающиеся сквозь щель в шторах. Она дышала ровно и спокойно — то ли спала, то ли притворялась, но выглядела такой хрупкой и беззащитной, что у него на мгновение перехватило дыхание.

Он задержался на пороге, вглядываясь в её фигуру, в плавный ритм её дыхания, в расслабленную руку, лежащую поверх одеяла. Внутри него что-то сжалось — то самое чувство, от которого он так долго бежал, старательно пряча его за слоями холодной отстранённости.

Он вошёл, стараясь ступать бесшумно, и лёг на самый край кровати, оставляя между ними максимально возможное расстояние. Дышал тихо, почти невесомо, боясь нарушить её покой. Каждое движение было осторожным, сдержанным — как будто он пытался не разбудить не только её, но и то, что начинало пробуждаться в нём самом.

Он не знал, сколько времени прошло.

Он лежал, глядя в тёмный потолок, и слушал её дыхание — ровное, близкое, почти гипнотическое. В комнате стояла такая тишина, что каждый звук казался оглушительным. Мысли метались в его голове, как испуганные птицы, не находя покоя.

Почему она вдруг захотела оказаться рядом с ним?

Он чувствовал тепло, исходящее от её тела даже через разделяющее их пространство. И не мог уснуть. Не мог отвести взгляд от её спины.

— Дамиан? — её голос, тихий и сонный, разрезал тишину.

Он замер.

— Да, Вероника, — ответил он, и его голос прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало.

— Ты спишь? — спросила она.

— Как видишь, нет, — он усмехнулся, и в этой усмешке послышалось что-то почти тёплое.

— А ты вообще спишь? — она помолчала, и её голос стал задумчивым. — Ну… тебе нужен сон?

— Да, Вероника, — ответил он. — Я сплю, ем и делаю всё, как обычный человек.

— И всё же ты не обычный, — сказала она с тихой уверенностью, от которой он на мгновение замолчал.

— Необычный, — согласился он.

— О чём ты думал? — она повернулась к нему, и в темноте он увидел её глаза — тёмные, глубокие, с тем самым огнём, который он так хорошо знал. В них не было страха — только любопытство. Только желание понять.

— Ни о чём. И обо всём сразу, — ответил он.

Она помолчала, а потом сказала, и в её голосе послышалась искренняя теплота:

— Я не хочу, чтобы мы были врагами.

Он смотрел на неё, и внутри него что-то дрогнуло.

— Я никогда не был твоим врагом, Вероника, — его голос стал тише. — Я уже говорил тебе это.

— Да, — она отвела взгляд. — Но и другом ты мне не был. Я помню.

Она замолчала, и в комнате слышно было только их дыхание.

— С тех пор многое изменилось, — продолжила она, и её голос стал твёрже. — Я не знаю, может быть, ты внушаешь мне что-то, может быть, во мне просыпается что-то древнее и забытое… но я чувствую, что не хочу быть с тобой врагами.

Она посмотрела ему прямо в глаза, и в её взгляде промелькнула знакомая сталь.

— Пообещай мне, — сказала она.

— Что именно? — его голос дрогнул.

— Что не предашь меня. Моё доверие. Я доверяю тебе, Дамиан. Да, порой я ненавижу тебя. Но я доверяю тебе.

Он смотрел на неё, и внутри него поднималась странная, почти незнакомая боль.

— Я не предам тебя, — сказал он, и каждое слово было твёрдым, как камень. — Никогда.

— Спасибо, — она улыбнулась, и в этой улыбке было что-то такое, что заставило его сердце биться быстрее.

— Но это не значит, что твой путь будет лёгким, — добавил он тише. — Я не могу обещать тебе лёгкой дороги.

— Я понимаю, — кивнула она. — И можно ещё один вопрос?

— Да, Вероника, — сказал он, чувствуя, как внутри поднимается любопытство.

— Сколько тебе лет?

Он замер. На мгновение ему показалось, что он ослышался.

— Что? — переспросил он, и в его голосе прозвучало искреннее удивление.

— Я понимаю, что этот вопрос покажется тебе неправильным, — она усмехнулась, и в её голосе послышалась почти озорная нотка. — Но мне хочется знать. Хотя бы что-то о тебе.

— Я давно потерял счёт времени, — ответил он глухо.

— Я имела в виду — сколько твоему обличию лет? — она засмеялась, и этот смех разнёсся по комнате, лёгкий и искренний. — Просто для своего возраста ты отлично сохранился.

Он посмотрел на неё, и на его губах, помимо его воли, появилась улыбка.

Она увидела это. И на мгновение в комнате повисла тишина — та самая, которая бывает перед тем, как что-то меняется навсегда.

— Мне было сорок два года, когда… — начал он, но осекся. Улыбка исчезла с его лица так же внезапно, как появилась. Взгляд потух. — Сорок два года. Таким был возраст моего тела. Думаю, этой информации достаточно.

— Более чем, — ответила Вероника, и в её голосе не было ни осуждения, ни любопытства. Только принятие.

Она повернулась обратно к стене, и он снова остался наедине со своими мыслями.

— Я изучаю эту Вселенную, — сказал он вдруг, и его голос прозвучал неожиданно громко в тишине комнаты. — Пока нет никаких лазеек. Мы можем задержаться здесь надолго. Но я непременно найду выход. Вот увидишь.

— Я знаю, — ответила она, и в её голосе была та самая уверенность, от которой его сердце сжалось. — Я верю тебе.

Он молчал. Слова застревали в горле. Он чувствовал, как что-то меняется между ними. Как лёд, возведённый им за долгие годы, начинает трескаться.

— Спокойной ночи, Вероника, — сказал он наконец.

— Спокойной ночи, Дамиан, — ответила она.

Он лежал, глядя в потолок, и чувствовал, как внутри зарождается что-то новое.

Она была рядом. Она верила ему.

А он хотел этого — всегда хотел. И бежал от этого одновременно. Всю свою жизнь, все свои жизни он бежал от этой близости, от этой уязвимости.

И сейчас ему впервые стало страшно. Не за себя — за неё.

За то, что он может сделать ей больно. За то, что может потерять её. За то, что, возможно, эта близость — самая страшная ловушка из всех, в которых он когда-либо оказывался.

Он закрыл глаза и почувствовал, как её дыхание, ровное и спокойное, сливается с его собственным.

Глава 13. Вероника.

Занятие по стратегии и тактике проходило в одном из больших залов академии, где стены были увешаны старыми картами и схемами сражений, а в центре стоял массивный стол, на котором были разложены фигурки, изображающие войска. Солнечный свет струился сквозь высокие окна, заливая комнату золотом, но в воздухе чувствовалось напряжение. Преподаватель, седой мужчина с пронзительным взглядом, задавал вопросы о тактике ведения боя, и студенты наперебой предлагали свои варианты.

Вероника сидела за столом, сжав губы. Её взгляд был устремлён на карту, пальцы нервно постукивали по деревянной поверхности. Она явно была не в духе. А напротив неё, развалившись на стуле с ленивой грацией, сидел Дамиан. На его лице застыла та самая насмешливая улыбка, которую я так хорошо знала.

— Вероника, — обратился к ней преподаватель. — Ваш вариант?

Она подняла голову, и в её глазах мелькнула искра.

— Я считаю, что нужно атаковать с фланга, — сказала она, указывая на карту. — Использовать горы как прикрытие и нанести удар по слабому звену в центре обороны.

— Интересно, — преподаватель кивнул, но прежде чем он успел что-то добавить, раздался голос Дамиана.

— Глупость.

Вероника резко повернулась к нему. Её глаза сверкнули.

— Что ты сказал?

— Сказал, что это глупость, — он пожал плечами, и его голос звучал лениво, почти скучающе. — Атака с фланга через горы? Это займёт слишком много времени. Противник заметит тебя ещё до того, как ты подойдёшь на расстояние удара. Или ты планируешь воевать с ветряными мельницами?

— А что предлагаешь ты? — её голос стал жёстче.

— Лобовая атака, — ответил он, не меняя позы. — Быстро, мощно, неожиданно. Сломить оборону одним ударом, пока они не поняли, что происходит.

— Лобовая атака? — её голос дрогнул от возмущения. — Это самоубийство! Ты просто отправишь своих солдат на смерть.

— Ты предпочитаешь, чтобы они замерзли в горах или погибли от голода, ожидая нужного момента? — его улыбка стала шире.

Преподаватель поднял руку, призывая к тишине.

— Дамиан, — сказал он, — а ты готов объяснить, почему считаешь этот план более эффективным?

— Потому что война — это не игра в шахматы, — ответил Дамиан. — Здесь нужно действовать быстро, использовать элемент неожиданности. Противник не должен успеть опомниться.

Вероника сжала кулаки.

— Это не просто шахматы, — её голос зазвенел от напряжения. — Это люди. Реальные люди, которых ты посылаешь на смерть ради своей «элегантной победы».

Дамиан встретил её взгляд, и в его глазах мелькнула искра интереса.

— А ты готова пожертвовать ими ради своей «бескровной стратегии»?

— Я готова сделать всё, чтобы минимизировать потери, — твёрдо ответила она.

На мгновение между ними повисла тишина. Потом Дамиан усмехнулся и отвернулся, словно потеряв интерес к спору. Но я видела — он заметил. Он запомнил.

Занятие закончилось, и студенты начали расходиться. Вероника собрала свои вещи, её лицо было напряжённым. Дамиан уже поднялся и направлялся к выходу, но на мгновение обер-

нулся и бросил на неё быстрый взгляд — тот самый, который она, кажется, не заметила. Но я заметила.

Позже, когда вечер опустился на академию, Вероника вернулась в свою комнату. Она выглядела уставшей, но не подавленной — скорее, раздражённой. Пока она снимала плащ и расчёсывала волосы, я заметила, как её взгляд упал на стол. Там лежала записка.

Она подошла ближе, взяла её в руки и прочитала. На лице мелькнуло удивление, потом лёгкое замешательство. Она перечитала записку ещё раз, и в её глазах промелькнула искра интереса.

Я подошла ближе и заглянула через её плечо. На клочке бумаги было написано:

«Приходи в сад после заката. У старого дуба. Дамиан.»

Она смотрела на записку, и я видела, как в её душе борется любопытство и недоверие. Что ему нужно? Ещё один спор? Или что-то другое?

Она сжала записку в руке и посмотрела в окно, где небо уже начинало окрашиваться в багровые тона заката.

«Что же ты задумал, Дамиан?» — беззвучно спросила она.

Я стояла рядом, невидимая, и ждала. Вечер обещал быть интересным.

Глава 14. Вероника.

Сад встретил её прохладой и ароматами ночных цветов.

Луна уже поднялась высоко, заливая дорожки серебристым светом, и тени от старых деревьев ложились на траву причудливыми узорами. Где-то вдалеке слышались голоса студентов, но здесь, у старого дуба, было тихо. Почти слишком тихо.

Вероника шла по дорожке, сжимая в руке записку, и её сердце билось быстрее обычного. Она не знала, зачем пришла. Может быть, чтобы доказать ему, что не боится. Может быть, чтобы ответить на его насмешки. А может быть, потому что внутри неё горело то самое любопытство, которое она не могла погасить.

Она вышла на поляну и замерла.

У старого дуба стояла не Дамиан.

Елена. Яркая, как пламя, с чёрными волосами, рассыпавшимися по плечам, и глазами, которые метали молнии. Она стояла, скрестив руки на груди, и её поза говорила о том, что она здесь не для приятной беседы.

— Ты, — сказала Елена, и её голос был холодным, как лезвие ножа.

Вероника на мгновение растерялась, но быстро взяла себя в руки.

— Я тоже рада тебя видеть, — ответила она, и в её голосе зазвучала лёгкая усмешка.

— Я знаю, зачем ты пришла, — Елена сделала шаг вперёд. — Но тебе стоит знать, что Дамиан не для тебя.

Вероника приподняла бровь, но не отвела взгляда.

— Интересно, — протянула она. — А кто решил, что я вообще пришла ради него?

Елена усмехнулась, и в этой усмешке была такая уверенность, что я невольно поёжилась.

— Не пытайся обмануть меня. Я видела, как ты смотришь на него. Как он смотрит на тебя. Ты думаешь, я не замечаю? — её голос стал тише, но в нём зазвучала угроза. — Держись от него подальше, если не хочешь проблем.

Вероника смотрела на неё, и внутри неё закипал огонь. Но она не позволила ему вырваться наружу. Вместо этого она рассмеялась — тихо, почти невесомо.

— Знаешь, Елена, — сказала она, — я могу тебя понять. Ты боишься потерять то, что считаешь своим. Но ты ошибаешься, если думаешь, что Дамиан —это твоя собственность.

— Ты ничего не знаешь о наших отношениях, — прошипела Елена.

— И не хочу знать, — Вероника развернулась, чтобы уйти. — Мне плевать на Дамиана. Правда.

Она сделала несколько шагов, но голос Елены остановил её.

— Тогда почему ты пришла?

Вероника замерла. На мгновение в саду повисла тишина — такая густая, что казалось, её можно было резать ножом. Потом она медленно обернулась. Её глаза встретились с глазами Елены, и в них горел тот самый холодный, стальной огонь, который я уже видела в своих видениях.

— Я пришла, — сказала она, и её голос был ровным, почти безразличным, — чтобы плюнуть ему в лицо наедине.

Она сделала паузу, и в её голосе появилась лёгкая, едва заметная усмешка.

— Чтобы не расстраивать Воланда.

Елена замерла. На её лице отразилась растерянность, которую она тут же попыталась скрыть. А Вероника развернулась и пошла прочь, оставляя её стоять под старым дубом в одиночестве.

Я наблюдала за этой сценой, стоя в тени. Внутри меня смешались эмоции — гордость за Веронику, уважение к её стойкости и странное, почти щемящее чувство. Она сказала, что

ей плевать на Дамиана. Но я знала правду. Она чувствовала то же, что и он. Даже если не признавалась в этом даже себе.

А Дамиан… он стоял в тени за кустами, где никто не мог его видеть.

Я заметила его только сейчас. Он смотрел на Веронику, и на его лице не было привычной насмешки. Было что-то другое — то, что он так старательно скрывал от всех.

Уважение. И восхищение.

Он ждал, пока она уйдёт, и только потом развернулся и пошёл в сторону академии.

Никто из них не знал, что их история только начинается.

Глава 15. Вероника.

Вероника ворвалась в свою комнату, захлопнув за собой дверь с такой силой, что стены содрогнулись, а портрет на стене едва не сорвался с гвоздя. Свечи в канделябре заметались, отбрасывая на стены пляшущие тени, но она даже не заметила этого.

— Какая глупость! — выпалила она, расхаживая по комнате, как тигр в клетке. — Какая же глупость!

Её голос звенел от возмущения, руки сжимались в кулаки. Она ходила туда-сюда, и каждое её движение было полным энергии, которую она не могла выплеснуть.

— Что за женщина так себя не уважает?! — продолжала она, обращаясь к пустоте. — Таскаться за мужчиной, как собачонка! Устраивать сцены! Угрожать!

Она остановилась посреди комнаты и замерла, глядя перед собой. Грудь её тяжело вздымалась, дыхание было прерывистым.

— Дура, — прошептала она. — Вот дура!

Она подошла к зеркалу, в котором тускло отражался свет свечей. Её лицо — раскрасневшееся, глаза — горящие, волосы — слегка растрёпанные. Она выглядела как человек, который только что пережил бурю.

Она смотрела на себя, вглядывалась в своё отражение, и в её взгляде была такая ярость, что я невольно отступила. Но за этой яростью я видела другое — растерянность. Смятение. То, что она не могла признать даже себе самой.

— Дамиан вообще не заслуживает любви! — сказала она своему отражению. — Он высокомерный, заносчивый, холодный… Он играет с людьми, как с фигурами!

Она замолчала, прикусив губу. Пальцы её сжали край стола, и я видела, как побелели костяшки.

— Он не достоин, — повторила она, но голос её дрогнул.

И в этот момент я увидела то, что она, кажется, не хотела замечать. Глаза её отражали не только гнев, но и то, что она тщательно прятала за ним.

Ей было больно. Потому что Дамиан запал ей в душу. Глубоко. Незвано. Неконтролируемо.

Она отвернулась от зеркала и прошлась по комнате, пытаясь успокоиться.

— Я ненавижу тебя, Дамиан! — сказала она, обращаясь к пустоте.

Но её голос прозвучал слишком громко, слишком вызывающе. Слишком похоже на попытку убедить себя в том, во что она не верила.

Я смотрела на неё со стороны, и мне всё было понятно. Ей тоже. Но она не хотела признаваться.

Я стояла в тени, невидимая, и чувствовала, как внутри меня разливается странная смесь сочувствия и иронии. Она говорила, что ненавидит его. Но я видела правду. И это было сильнее любых слов.

Она не ненавидела его. Она боялась того, что чувствовала.

Глава 16. Вероника.

Утро было прозрачным и холодным, как первый глоток воды из горного ручья.

Небо над академией расцвело бледно-голубым, без единого облачка, и лёгкий ветер играл с листвой старых дубов, рассыпая по дорожкам солнечные зайчики. Сад дышал свежестью, пахло влажной землёй, мятой и чем-то ещё — тем неуловимым ароматом, который бывает только ранним утром, когда мир ещё не проснулся до конца.

Вероника вышла на дорожку, залитую золотым светом, и на мгновение зажмурилась от солнца. Она была одна — или почти одна, если не считать той тихой, невидимой тени, которая следовала за ней повсюду. Я стояла в стороне, скрытая листвой, и наблюдала, как она идёт по саду, опустив плечи, сжимая в руке сорванный цветок, лепестки которого она рассеянно теребила пальцами.

Воланд вышел ей навстречу неожиданно, будто появился из ниоткуда. На нём была простая светлая рубашка, рукава закатаны до локтя, и в руке он держал небольшую книгу, которую тут же спрятал за спину, словно стесняясь.

— Вероника, — окликнул он, и его голос был мягким, как бархат.

Она остановилась и улыбнулась — той улыбкой, которая появлялась у неё только рядом с ним. Тёплой, спокойной, почти детской.

— Воланд, — она подошла ближе. — Ты сегодня рано.

— Не спалось, — он пожал плечами, и его взгляд скользнул по её лицу, будто он хотел запомнить каждую чёрточку. — Думал о тебе.

Она опустила глаза, и на её щеках появился лёгкий румянец.

— Снова?

— Снова, — он улыбнулся, и эта улыбка была такой искренней, что у меня на мгновение защемило сердце.

Они пошли по дорожке, огибая клумбы, и их шаги были почти синхронными. Вокруг них цвели розы, и в воздухе разливался их сладкий, томный аромат. Воланд смотрел на неё так, будто она была единственным человеком в этом мире.

— Ты знаешь, — сказал он, останавливаясь у старого фонтана, — я много думал о том, что хочу тебе сказать.

Она подняла на него глаза, и в них не было ни страха, ни настороженности. Только тихое ожидание.

— Что?

Он замолчал, будто собирался с силами, и я видела, как его пальцы сжали край каменного бортика.

— Ты мне очень нравишься, Вероника, — сказал он, и его голос был таким тихим, что она, наверное, услышала только самое важное. — Ты особенная. Не такая, как другие. И мне не хочется тебя пугать или торопить… просто хочу, чтобы ты знала.

Она смотрела на него, и внутри неё поднималось что-то тёплое, почти забытое. Рядом с ним было легко. Спокойно. Он был искренним, открытым, без той ледяной маски, которую она так часто видела на другом лице.

— Спасибо, — прошептала она, и в этом слове было больше, чем простая благодарность.

Он шагнул к ней, и его рука дрогнула, коснувшись её руки. Она не отстранилась. Она позволила себе этот миг — тихий, тёплый, безопасный.

Но когда он наклонился к ней, чтобы поцеловать, она на мгновение замерла. В её голове промелькнула мысль — короткая, острая, как удар кинжала. Она знала, что не чувствует того, что должна была чувствовать. Что этот поцелуй — не для него. Что она целует его назло.

Назло тому, кто стоял в тени.

И она поцеловала Воланда.

Его руки мягко легли ей на плечи, и он ответил на поцелуй так нежно, так благоговейно, что у неё на мгновение перехватило дыхание. Но она не чувствовала той искры. Она чувствовала только горечь и холодную решимость.

А где-то за кустами, скрытый листвой и тенями, стоял Дамиан. Он видел всё. Его лицо было непроницаемым, как каменная маска, но его руки, сжатые в кулаки, дрожали от напряжения. Он не отвел взгляда. Он смотрел, как она целует его брата, и внутри него рушилось что-то.

Когда Вероника отстранилась, она на мгновение бросила взгляд в ту сторону, где знала, что он стоит.

И улыбнулась — той улыбкой, которую Дамиан запомнит надолго.

Он развернулся и ушёл, не издав ни звука. Не сказав ни слова. Но я видела, как дрожали его плечи, когда он скрывался за поворотом.

Воланд, с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.